

16+

НОО "Профессиональная наука"

www.scipro.ru

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОМАРОВА О.М., ПЛОХИХ Ю.В., СОКОЛОВСКИЙ К. Г.

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Научные основы концепции социально-
экономической стратегии Российской
Федерации**

Монография

www.scipro.ru
Нижний Новгород, 2021

УДК 33
ББК 65
Н34

Главный редактор: Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент, руководитель НОО «Профессиональная наука»

Технический редактор: Канаева Ю.О.

Рецензенты: Бессарабов Владислав Олегович - Кандидат экономических наук. ГО ВПО «ДонНУЭТ имени Михаила Туган-Барановского»

Авторы:

Комарова О.М., Плохих Ю.В., Соколовский К. Г.

Научные основы концепции социально-экономической стратегии Российской Федерации [Электронный ресурс]: монография. – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 86 с.). - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", 2021. – Режим доступа: http://scipro.ru/conf/monographecon2_301021.pdf. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10'. DOI 10.54092/9781794829237

ISBN 978-1-7948-2923-7

Материалы монографии будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам предприятий, а также студентам, магистрантам и аспирантам.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: Designed by Freepik, Canva.

ISBN 978-1-7948-2923-7

© Авторский коллектив, 2021 г.

© Издательство НОО Профессиональная наука, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Возможности развития инфраструктурных проектов посредством государственно-частного партнерства	8
Глава 2. Вопросы конкурентоспособности муниципального рынка труда в условиях цифровизации экономики и действия пандемии covid-19	19
Глава 3. Свобода совести в контексте социального развития и социальной интеграции общества: государство и религиозные организации	39
Заключение	77
Библиографический список	78
Сведения об авторах	84

Введение

В настоящее время во всем мире, независимо от политического устройства и уровня экономического развития того или иного государства, финансы вступили в очередной период своего развития, связанный с многозвенностью финансовых систем, высокой степенью их воздействия на экономику и большим разнообразием финансовых отношений.

На сегодня финансовая система страны находится в современной фазе рыночной трансформации, характеризуются глубокими изменениями ее содержания, внутреннего строения, целевой, критериальной направленности, институционального регулирования.

Современная финансовая система характеризуется следующими показателями, достижениями и проблемами:

- совершенствование налоговой системы выразилось в развитии электронных сервисов, предоставлении налоговой отчетности в электронной форме, а также внедрении ряда изменений, направленных на сближение бухгалтерского и налогового учетов

- сохранение суверенных кредитных рейтингов России от международных рейтинговых агентств на стабильно низком уровне,

- разработка государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»

- рост государственного внешнего долга Российской Федерации в рублевом эквиваленте в связи со значительным ростом курсов иностранных валют по отношению к рублю

- увеличение объема расходов на обслуживание государственного долга Российской Федерации, связанным со значительным ростом курсов иностранных валют по отношению к рублю.

- исчерпание Резервного фонда и активное использование средств ФНБ на покрытие дефицита федерального бюджета и бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации

- рост ликвидности в российской банковской системе

- низкая инвестиционная активность финансовых институтов, вызванная текущей макроэкономической ситуацией в стране, ограничениями, которые затронули многосторонние банки развития с участием Российской Федерации.

Монография состоит из 3-х глав.

В первой главе представлено исследование вопроса возможности применения механизма государственно-частного партнерства при развитии инфраструктуры регионов, в частности, и страны в целом. Автор рассматривает понятие инфраструктуры в интерпретации разных авторов и подходов, как научных, так и в рамках законодательства. В работе особое внимание уделено необходимости развития общественной инфраструктуры, даже при бюджетном дефиците.

Во второй главе монографического исследования описано влияние процесса активного внедрения цифровых технологий в развитии реального сектора экономики и формирования предельных структурных изменений в сфере профессиональной занятости. Подчеркивается особая роль технологизации процессов восстановления национальной системы общественного воспроизводства после воздействия пандемического кризиса, вызвавшего рекордное сокращение ВВП и рост безработицы.

Также в работе представлена авторская оценка аналитических данных по сравнению профессионального и финансового положения российских работников двух групп: использующих в своей работе информационные технологии и цифровые устройства, а также опирающиеся на digital competence, и неиспользующие. В результате чего были сформулированы выводы о степени влияния технологической эволюции и сквозной цифровизации всех экономических систем на состояние и динамику развития спроса на квалифицированную рабочую силу и на развитие рынка труда. Помимо этого приведены итоги систематизации специфических черт присущих процессу формирования новых личностных и профессиональных качеств (компетенций), а также жизненных установок будущих участников цифровой модели занятости, нового типа трудовой конкуренции.

Таким образом, данная часть монографии может быть полезна студентам и аспирантам, специалистам занятых решением вопросов совершенствования систем квалификационных требований к работникам цифровой экономики и разработкой программ развития цифрового рынка труда и предотвращения безработицы.

В третьей главе рассматриваются особенности взаимоотношений государства и религиозных организаций в контексте социальной интеграции общества. Отдельное внимание уделяется проблеме обеспечения права

граждан на свободу совести (вероисповедания) с учётом зарубежного опыта и особенности его реализации в России.

Авторский коллектив:

Плохих Ю.В. (Глава 1. Возможности развития инфраструктурных проектов посредством государственно-частного партнерства)

Комарова О.М. (Глава 2. Демографическая политика и политика народосбережения: вопросы конкурентоспособности муниципального рынка труда в условиях цифровизации экономики и пандемических ограничений)

Соколовский К.Г. (Глава 3. Свобода совести в контексте социального развития и социальной интеграции общества: государство и религиозные организации)

Глава 1. Возможности развития инфраструктурных проектов посредством государственно-частного партнерства

Формирование инфраструктуры в России требует особого внимания для дальнейшего преобразования экономическо-технологической стороны любого государства. Развитие инфраструктуры способствует стимулированию развития целых отраслей, появлению новых рабочих мест, повышению статуса страны и ее регионов. Каждый регион отслеживает баланс появления инфраструктурных объектов, формируя тем самым факторы роста и предмет для инвестиций. Эффективное управление ими позволяет накапливать ресурсный потенциал привлекательности области, повышать качество оказанных услуг, тем самым обеспечивая качественный уровень жизнедеятельности его граждан.

Целью исследования является обоснование роли государственно-частного партнерства в развитии инфраструктурных проектов в России.

Нормативно-правовую базу исследования составляют следующие нормативно-правовые акты:

1. Федеральный закон "О концессионных соглашениях" от 21.07.2005 N 115-ФЗ

2. Федеральный закон "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 13.07.2015 N 224-ФЗ

В качестве основного исследовательского метода в настоящей работе применялся метод анализа. В основном, его применение обеспечило достижение поставленной цели. Метод систематизации данных использовался в части исследования развития инфраструктурных проектов при взаимодействии государства и частного бизнеса. Этот метод также нашел свое применение в данном исследовании при работе с официальными данными сайта инфраструктурных проектов платформы РОСИНФРА.

¹ О концессионных соглашениях : Федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (последняя ред.) : [принят Государственной Думой 6 июля 2005 г. : одобрен Советом Федерации 13 июля 2005 г.] // КонсультантПлюс : офиц. сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/

² О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (последняя ред.) : [принят Государственной Думой 1 июля 2015 г. : одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 г.] // КонсультантПлюс : офиц. сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

Представление об инфраструктуре зарождается еще в 18 в. в трудах Д.Рикардо, А.Смита. Они используют понятие «инфраструктуры» как основу для обеспечения производственных потребностей. Понимание термина «инфраструктура» сложилось в связи с обозначением объектов и сооружений НАТО для обеспечения деятельности вооруженных сил в 1951 году как необходимость организации штаб-квартир, трубопроводов, аэродромов, информационных систем, складов боеприпасов, баз технического обслуживания и т.п.³.

Подобед Н. А. в своей работе выделяет четыре подхода использования понятия «инфраструктура»:

- хронологический. Определяет значимые вехи трансформации термина;
- этимологический. Приводит значение термина в греческой интерпретации и на латыни;
- исторический. Поиск базиса для изучения данного понятия на пути эволюции общества;
- экономический. Понятие развития инфраструктуры всегда связывают с инвестиционными процессами в экономике⁴.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет экономический подход. В экономической интерпретации термин «инфраструктура» был определен в 50-е годы XX века австрийским экономистом П. Розенштейн-Роданом как «комплекс общих условий, обеспечивающих благоприятное развитие частного предпринимательства в основных отраслях экономики и удовлетворяющих потребности всего населения»⁵. В последствии ее рассматривали в зависимости от выполняемых функций в сфере общественного воспроизводства. В 80-е гг XX века произошли изменения в экономической трактовке «инфраструктуры»: рыночная инфраструктура отождествлялась с определяющим фактором экономического роста. В советской экономической школе профессор Хейнман С. А. определил «инфраструктуру» как «комплекс отраслей, обслуживающих материальное производство»⁶.

Современное рассмотрение дефиниции «инфраструктура» показывает его как систему организаций, соответствующих действующему рыночному

³ Крячкова Л. И., Крутиков А. К., Мохова О. И. Оценка развития инфраструктуры Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – №. 6.

⁴ Подобед, Н. А. Генезис категории «инфраструктура»: сущность, подходы и этапы развития / Н. А. Подобед // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 13 / [редкол.: В.Ю. Шутилин (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. - Минск : БГЭУ, 2020. - С. 408-416.

⁵ Крячкова Л. И., Крутиков А. К., Мохова О. И. Оценка развития инфраструктуры Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – №. 6.

⁶ Благинин, В. А. Ретроспективный анализ научных взглядов на понятие «транспортная инфраструктура региона» / В. А. Благинин // Фундаментальные исследования — 2016. — № 11-5. — С. 979-984.

механизму. Специалисты все больше сходятся во мнении, что современная инфраструктура является неотъемлемой частью вспомогательных отраслей и видов экономической деятельности, а в территориальном плане – комплексом сооружений, объектов, природно- и инженерно-технических систем⁷.

В рамках инфраструктуры региона формируется жилищно-коммунальное, транспортное, информационно-коммуникационное, медицинское, культурно-развлекательное обслуживание, объекты соцзащиты, физической культуры и пр. Анализ литературы показал, что оценка сформированности инфраструктуры регионов показана в исследованиях разных авторов. Так, развитие транспортной инфраструктуры исследовано в работах Радченко Д. М., Пономарева Ю. Ю.⁸, Кузьминой А. О.⁹, Землина А.И.¹⁰, Капустиной Н. В., Ступниковой Е.А.¹¹; развитие IT-инфраструктуры в работах Степановой Е. О.¹², Зининой Л. И.¹³, Бегишева И. Р.¹⁴, Козлова А. В.; развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры приведено в работах Кирилловой А. Н.¹⁵, Мартояс В. В.¹⁶, Проваленовой Н. В.¹⁷ и других ученых.

Полноценность инфраструктурного развития, виды инфраструктуры, типы организаций, которые должны помогать формировать инфраструктуру, отличает регионы. При этом, чем выше уровень развития инфраструктуры региона, тем более привлекателен он для инвестиций. На современном этапе развитие инфраструктуры происходит при реализации национальных проектов, федеральных и региональных программ за счет средств бюджетов разных уровней.

⁷ Попович А. А. Особенности управления социальной инфраструктурой // StudNet. – 2020. – Т. 3. – №. 9. – С. 957-962

⁸ Радченко Д. М., Пономарев Ю. Ю. О способах измерения степени развития транспортной инфраструктуры // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. – №. 2

⁹ Кузьмина А. О. Формирование экономико-математической модели и механизма оценки и выбора вариантов развития производственно-транспортной инфраструктуры экспортно-ориентированных угольных компаний // Инновации и инвестиции. – 2020. – №. 10

¹⁰ Землин А. И., Холиков И. В., Мельникова А. А. Актуальные проблемы правового обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры. – 2019

¹¹ Капустина Н. В. и др. Классификация факторов риска инвестиционных проектов развития транспортной инфраструктуры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – №. 1

¹² Степанова Е. О. Кластерный подход к развитию ИТ-инфраструктуры региона (на примере Ярославской области) // Теоретическая экономика. – 2019. – №. 2 (50)

¹³ Зинина Л. И. Управление ИТ-инфраструктурой бизнес-формирований // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. – 2021. – С. 97-101

¹⁴ Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Безопасность бизнеса. – 2019. – №. 1. – С. 27-32

¹⁵ Кириллова А. Н. Проектное управление устойчивым развитием жилищно-коммунальной инфраструктуры крупного города // Недвижимость: экономика, управление. – 2020. – №. 1. – С. 42-48

¹⁶ Мартояс В. В. Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры как необходимое условие развития местных сообществ краснодарского края // Актуальные проблемы стратегического управления территориальным развитием. – 2020. – С. 172-179

¹⁷ Проваленова Н. В. Роль и место жилищно-коммунальной сферы в социальной инфраструктуре сельских территорий // Наука и бизнес: пути развития. – 2020. – №. 1. – С. 128-130

Понятие инфраструктурного проекта включает в себя возведение или улучшение различных объектов инфраструктуры, значительное повышение качества производимых товаров и услуг при этом такой проект заключается на довольно продолжительный срок и в итоге приводит к улучшению экономической ситуации в стране в целом¹⁸.

Развитие инфраструктурных проектов традиционно является функцией государства. Но реализация их крайне сложна, поскольку требует огромных финансовых вложений, необходимой квалификации сотрудников госаппарата для контроля возведения объекта и дальнейшей его эффективной эксплуатации. К сожалению, в большинстве случаев специалисты госаппарата некомпетентны в решении специфических, узконаправленных задач, поставленных государством.

Сейчас регионы участвуют в непрерывном марафоне за инвестиционными вложениями в развитие. Так, почти каждым регионом России утверждена программа социально-экономического развития, определяющая его стратегическое развитие на долговременный период. Однако в условиях мобильности, подвижности информации, борьба за вложения в инновационный потенциал региона может быть успешной «только при формировании благоприятной институциональной и бизнес-среды, социальной инфраструктуры, комфортных жилищных условий»¹⁹. Возведение отдельных инфраструктурных элементов позволяет развиваться целым системным комплексам.

Под инфраструктурой предлагаем понимать типы объектов, представленных в ст.4 Федерального закона "О концессионных соглашениях" от 21.07.2005 N 115-ФЗ и ст. 7 Федерального закона "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации..." от 13.07.2015 N 224-ФЗ (табл. 1).

¹⁸ Шаш Н. Н., Алкадер Н. М. А. Роль государственно-частного партнерства в инфраструктурных проектах // Вестник Академии знаний. – 2021. – №. 2 (43). – С. 280-284

¹⁹ Управление инфраструктурными проектами: учебное пособие для высшего профессионального образования / С.А. Измалкова, Т.А Головина, И.Л. Фаустова, И.А. Тренина, С.С. Елецкая. – Орел: ФГБОУ ВПО «Госуниверситет УНПК», 2012. - 171 с

Таблица 1

Типы объектов, понимающиеся под инфраструктурой согласно законодательству РФ

Федеральный закона "О концессионных соглашениях" ²⁰	Федеральный закон "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации..." ²¹
Объекты железнодорожного транспорта	
Объекты трубопроводного транспорта	
Объекты, на которых осуществляются обработка, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов	
Объекты по производству, передаче и распределению электрической энергии	
Автомобильные дороги или участки автомобильных дорог, защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, то есть объекты, используемые при капитальном ремонте, ремонте, содержании автомобильных дорог, элементы обустройства автомобильных дорог (в том числе остановочные пункты), объекты, предназначенные для взимания платы (в том числе пункты взимания платы), объекты дорожного сервиса	Частные автомобильные дороги или участки частных автомобильных дорог, мосты , защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты (объекты, используемые при капитальном ремонте, ремонте и содержании автомобильных дорог), элементы обустройства автомобильных дорог, объекты, предназначенные для взимания платы (в том числе пункты взимания платы), объекты дорожного сервиса
Морские и речные порты, в том числе искусственные земельные участки, гидротехнические сооружения портов, объекты их производственной и инженерной инфраструктур	Морские порты, речные порты, специализированные порты, объекты их инфраструктур, в том числе искусственные земельные участки, портовые гидротехнические сооружения, за исключением объектов инфраструктуры морского порта, которые могут находиться в федеральной собственности, не подлежат отчуждению в частную собственность
Морские и речные суда, суда смешанного (река - море) плавания, а также суда, осуществляющие ледокольную проводку, гидрографическую, научно-исследовательскую деятельность, паромные переправы, плавучие и сухие доки	Морские суда и речные суда, суда смешанного (река - море) плавания, а также суда, осуществляющие ледокольную проводку, гидрографическую, научно-исследовательскую деятельность, паромные переправы, плавучие и сухие доки, за исключением объектов, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации находятся в государственной собственности, не подлежат отчуждению в частную собственность
Аэродромы или здания и (или) сооружения, предназначенные для взлета, посадки, руления и стоянки воздушных судов	Воздушные суда, аэродромы, аэропорты, технические средства и другие предназначенные для обеспечения полетов воздушных судов средства, за исключением объектов, отнесенных к имуществу государственной авиации или к единой системе организации воздушного движения
Объекты производственной и инженерной инфраструктур аэропортов	

²⁰ О концессионных соглашениях : Федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (последняя ред.) : [принят Государственной Думой 6 июля 2005 г. : одобрен Советом Федерации 13 июля 2005 г.] // КонсультантПлюс : офиц. сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/

²¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (последняя ред.) : [принят Государственной Думой 1 июля 2015 г. : одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 г.] // КонсультантПлюс : офиц. сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

Гидротехнические сооружения	Гидротехнические сооружения, стационарные и (или) плавучие платформы, искусственные острова
Объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем	Отсутствует
Метрополитен и другой транспорт общего пользования	Транспорт общего пользования, за исключением метрополитена
Объекты здравоохранения, в том числе объекты, предназначенные для санаторно-курортного лечения	Объекты здравоохранения, в том числе объекты, предназначенные для санаторно-курортного лечения и иной деятельности в сфере здравоохранения
Объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социально-культурного назначения	Объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социального обслуживания населения
Объекты социального обслуживания граждан	Отсутствует
Здания, строения и сооружения, предназначенные для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации, объекты производственной и инженерной инфраструктур таких зданий, строений и сооружений	Отсутствует
Объекты производства, первичной и (или) последующей (промышленной) переработки, хранения сельскохозяйственной продукции	Объекты производства, первичной и (или) последующей (промышленной) переработки, хранения сельскохозяйственной продукции, определенные согласно критериям, установленным Правительством Российской Федерации
Объекты коммунальной инфраструктуры или объекты коммунального хозяйства, не указанные в ранее настоящей таблице, в том числе объекты энергоснабжения, объекты, предназначенные для освещения территорий городских и сельских поселений, объекты, предназначенные для благоустройства территорий	Объекты благоустройства территорий, в том числе для их освещения
Объекты газоснабжения	Отсутствует
Отсутствует	Подводные и подземные технические сооружения, переходы, сооружения связи, линии связи и коммуникации, иные линейные объекты связи и коммуникации
Отсутствует	Мелиоративные системы и объекты их инженерной инфраструктуры, за исключением государственных мелиоративных систем
Отсутствует	Имущественные комплексы, предназначенные для производства промышленной продукции и (или) осуществления иной деятельности в сфере промышленности
Отсутствует	Объекты охотничьей инфраструктуры

В таблице особым шрифтом выделены законодательные различия типов объектов инфраструктуры. Так, в Федеральном законе «О государственно-частном партнерстве...» одна категория типов объектов является вновь введенной в обиход, другая категория типов объектов обрела более конкретную формулировку, нежели в Федеральном законе «О концессионных соглашениях...», несколько типов объектов инфраструктуры исключены из нового закона.

По данным Аналитической записки «О состоянии и направлениях развития рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктуру в России», подготовленной экспертами при Банке России объем необходимых инвестиций в развитие инфраструктуры России до 2030 года составил:

- в транспортную инфраструктуру 68 000 млрд.руб.;
- в коммунальную инфраструктуру 10 400 млрд.руб.;
- в социальную инфраструктуру 15 000 млрд.руб. и т.д.²².

При этом количество объектов, запланированных к передаче в концессию растет, количество проводимых концессионных конкурсов сокращается, равно как и финансирование (почти вдвое).

Поэтому в условиях бюджетного дефицита и постоянно растущих потребностей населения государство все чаще обращается к средствам частного бизнеса, посредством механизма государственно-частного партнерства (далее по тексту ГЧП)²³. Именно применение механизмов ГЧП позволяет привлечь в проекты средства частных инвесторов и кредиты банков, в том числе международных.

Такой опыт уже на протяжении десятилетий активно применяется в зарубежных странах при строительстве, реконструкции и дальнейшей эксплуатации разнообразных объектов инфраструктуры, для организации общественных работ: транспортные развязки, аэропорты, жилищно-коммунальная сфера и проч. Давние отношения при взаимодействии государства и частного бизнеса исторически прослеживаются в Бразилии, Испании, Италии, Франции, Великобритании, США, Германии. В последние годы посредством ГЧП наметилось бурное развитие инфраструктуры стран Азии: Индии, Китая, Малайзии.

Для России этот механизм является хорошо забытым. Так, в начале 19-го века, посредством концессии была выстроена железнодорожная ветка из

²² Электронный источник // Аналитическая записка «О состоянии и направлениях развития рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктуру в России» https://cbr.ru/Content/Document/File/44084/analytic_note_16042018.pdf

²³ Юрьева Т. В. Инфраструктурные проекты государственно-частного партнерства и цели устойчивого развития

Петербурга в Царское село, бесплатно выделив земельные участки и предоставив определенные гарантии.

В современной России законодательное представление государственно-частного партнерства впервые стало появляться на региональных уровнях в 2000-х годах.

Варнавский В. Г., Сазонов В. Е., Миркина М. Я. в своих работах трактуют термин «государственно-частное партнерство» следующим образом: «Государственно-частное партнерство представляет собой юридически закрепленную форму взаимодействия между государством и частным сектором в отношении объектов государственной и муниципальной собственности, а также услуг, исполняемых и оказываемых государственными и муниципальными органами, учреждениями и предприятиями, в целях реализации общественно значимых проектов в широком спектре видов экономической деятельности»²⁴.

Другие исследователи рассматривают этот термин в такой интерпретации: государственно-частное партнерство – это один из способов развития общественной инфраструктуры основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона участвует не только в финансировании, но и в последующей эксплуатации и техническом обслуживании. В иных источниках ГЧП понимают как систему отношений государства и бизнеса, которая широко используется в качестве инструмента регионального, национального, городского, муниципального экономического и социального развития²⁵.

Выделим основные причины воздействия ГЧП на прогресс инфраструктурного развития:

1. Бюджетные ограничения государства
2. Неэффективное управление в государственном секторе
3. Частный бизнес более ориентирован на достижение результата
4. Сроки реализации инфраструктурных проектов наиболее короткие.

Самый главный фактор успешности таких инфраструктурных проектов заключается в заинтересованности частного бизнеса в получении дохода, а государства в получении социально значимой выгоды.

Существующее многообразие моделей ГЧП различается по уровню распределения рисков и заинтересованности обеих сторон. Так, наиболее

²⁴ Сазонов, В. Е. Государственно-частное партнерство. Гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты / В. Е. Сазонов. – М. : РУДН ; Буки-Веди, 2012. – 792 с.

²⁵ Медведева О. С., Левкина В. Н. Государственно-частное партнерство как инструмент развития инфраструктуры в России //Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – №. 8-2. – С. 270-276

популярные модели, характерные для взаимодействия государства и частного бизнеса за рубежом, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Наиболее часто встречающиеся модели государственно-частного партнерства

Модель ГЧП	Описание
ВТО (Built, Transfer, Own / строительство – передача – эксплуатация)	Частная сторона осуществляет строительство / реконструкцию объекта, передает объект в собственность публичного партнера, осуществляет эксплуатацию объекта и получает доход от эксплуатации
ВОТ / DBOT (Built, Own, Transfer / строительство – эксплуатация – передача)	Частная сторона осуществляет строительство / реконструкцию объекта, получает право собственности на объект, осуществляет эксплуатацию объекта и получает доход от эксплуатации, передает в собственность публичного партнера по окончании соглашения
ВОО / DBOO (Built, Own, Operate/ строительство – владение – эксплуатация)	Частная сторона осуществляет проектирование и / или строительство / реконструкцию объекта, осуществляет эксплуатацию объекта в течение согласованного с публичной стороной срока и получает доход от эксплуатации, сохраняя право собственности по истечении срока соглашения, продолжительность которого не ограничена.
(D)BOOT (Design, Built, Own, Operate, Transfer/ дизайн – строительство – владение – эксплуатация – передача)	Частная сторона осуществляет проектирование и/ или строительство / реконструкцию объекта, осуществляет эксплуатацию объекта в течение согласованного с публичной стороной срока и получает доход от эксплуатации, а затем передает объект в собственность публичной стороны. Право собственности на созданный объект принадлежит частному партнеру до момента окончания контракта, после чего оно переходит государству.
DBFO / PFI (Design, Built, Finance, Operate/ проектирование – строительство – финансирование – эксплуатация)	Частная сторона осуществляет проектирование и / или строительство / реконструкцию объекта, который передается в собственность публичной стороны за вознаграждение. На базе объекта предоставляются услуги, оговоренные государством в контракте

Каждая из представленных моделей имеет свои риски, которые несут и публичный, и частный партнер.

Структурный анализ по данным платформы РОСИНФРА позволил выявить наиболее распространенные сферы возведения инфраструктуры посредством ГЧП на территории России (табл. 3).

Таблица 3

Наиболее распространенные сферы ГЧП²⁶

Сферы инфраструктуры	Количество проектов, ед.	Уд.вес, %
Коммунально-энергетическая сфера	3509	83,91
Транспортная инфраструктура	277	5,43
Промышленная инфраструктура	146	3,49
Благоустройство и сопутствующая инженерия	143	3,42
Социальная инфраструктура	68	1,63
Информационные системы (IT-инфраструктура)	48	1,15
Сельское хозяйство и охотоводство	27	0,65
Жилищное строительство и сопутствующая инфраструктура	9	0,22
Оборона и безопасность страны	5	0,12
ИТОГО	4182	100,00

Так, по данным табл.3 видно, что наибольшая часть проектов сконцентрирована в коммунально-энергетической сфере, включая в себя водоснабжение и водоотведение, газоснабжение, обращение с твердыми коммунальными отходами, теплоснабжение, электроснабжение и проч. В рамках регионального бюджета субъект РФ не в состоянии возвести необходимый перечень инфраструктурных объектов в ближайшей перспективе.

Аналитики выделяют регионы, имеющие наивысший рейтинг по уровню развития сферы государственно-частного партнерства: Москва, Санкт-Петербург, респ.Башкортостан, Самарская область, Ханты-Мансийский автономный округ. Следующими в рейтинге стоят Новосибирская область, Пермский край и Тамбовская область. Критериями для выстраивания рейтинга явились: наличие специализированной структуры, уполномоченных органов, концентрация соглашений, информационные ресурсы и т.п. В настоящее время намерения в создании различных видов инфраструктуры можно увидеть в федеральных проектах «Дорожная сеть», «Внедрение наилучших доступных технологий», «Информационная инфраструктура», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», «Формирование комфортной городской среды» и других.

На рис.1 представлены данные о распределении бюджетных и внебюджетных средств для реализации государственных инфраструктурных проектов. Как видно, самыми масштабными являются: «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Экология», рассчитывая на значительную активность инвесторов в первом и третьем проектах.

²⁶ Электронный источник // Официальный сайт РОСИИИФРА. <https://rosinfra.ru/>

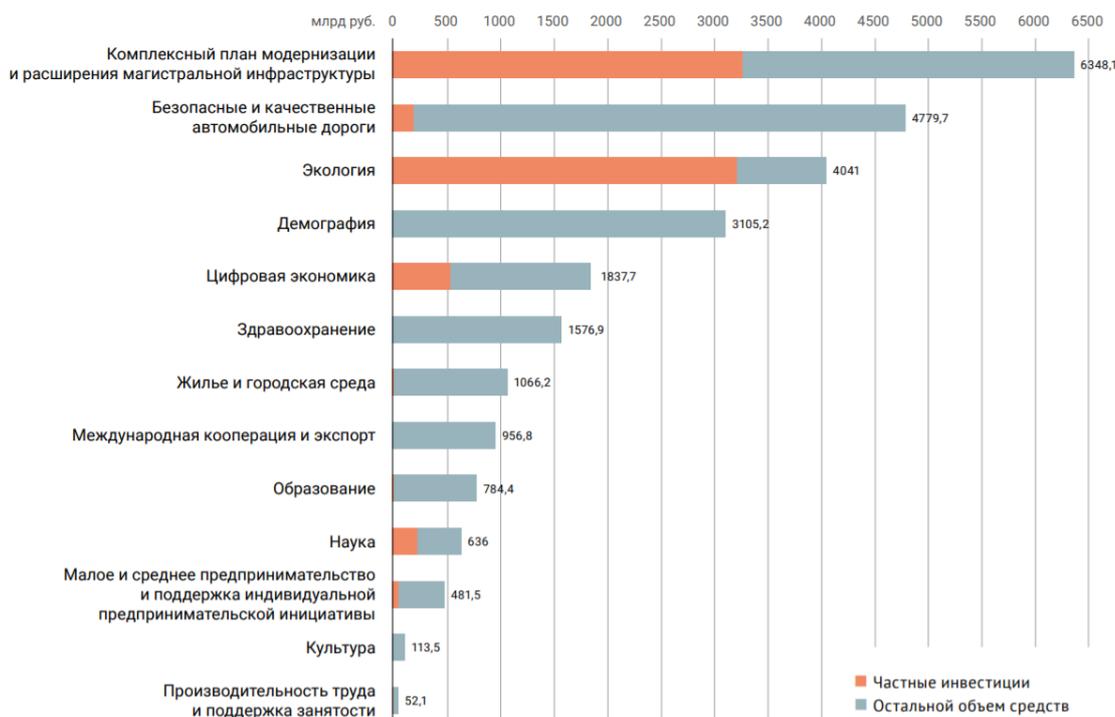

Рисунок 1. Распределение государственных и частных инвестиций в комплексном плане и национальных проектах

Рассмотрев тенденцию взаимодействия государства и частных инвесторов, можно увидеть положительную динамику в количестве реализованных проектов посредством частных инвестиций.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в стране и регионах накапливается опыт развития института государственно-частного партнерства. Все больше и больше проектов реализовываются при взаимодействии публичного и частного партнеров. Анализ показал, что регионы имеют качественное развитие различных областей, но мировой уровень пока еще не достигнут. Создание инфраструктурных проектов в регионе является крайне необходимым инструментом для развития области.

Каждая страна имеет свои способы развития инфраструктуры, но все одинаково стремятся к ее масштабному и скорому развитию. Более того, каждая из стран имеет свои приоритеты совершенствования. Опыт зарубежных стран является серьезным базисом в реализации механизма ГЧП в России, тем самым позволяя развивать законодательную, технологическую и экономическую составляющие исследуемого партнерства.

Глава 2. Вопросы конкурентоспособности муниципального рынка труда в условиях цифровизации экономики и действия пандемии COVID-19

Опираясь на современные реалии, общеглобалистические экономико-политические изменения, в основе которых лежит процесс организационно-структурной перестройки производства и смены технико-технологической составляющей воспроизводственного процесса, необходимо отметить происходящую структурную инверсию в кадровом обеспечении современного рынка труда. Активно влияющая на жизнеспособность российского общества четвертая научно-техническая (промышленная) революция, известная под наименованием «Индустрия 4.0», связана с прохождением следующих этапов промышленного прогресса. От ручного труда к полуавтоматическому и далее к современному - электронно-роботизированному труду, при котором в массовом порядке в производство внедряются киберфизические системы, интеллектуально-манипулятивные технологии и нейросетевые модели, что размывает границы между физическими, цифровыми, социальными и биологическими сферами жизни.

Впервые контуры четвертой промышленной революции (The Fourth Industrial Revolution), или «цифровой революции», были представлены на Ганноверской выставке в 2011 г., но с тех пор ее описание постоянно корректируется. Так, вначале появление интернета сравнивали с созданием паровой машины, то в настоящее время речь идет о способах производства, основанных на применении облачных технологий, сборе и анализе больших данных (Big data, Smart data), которые являются своего рода «сырьем» и способствуют появлению нового типа мирового хозяйства, основанного на технологии «Блокчейн», трехмерной печати объектов, интернете вещей, самообучающихся алгоритмах, искусственном интеллекте, роботах, системах виртуальной и дополнительной реальности и других технологиях. Перечисленные технологии позволяют выстроить новую реальность, содержащую глобальные промышленные сети и цифровые фабрики, виртуальные средства платежа, беспилотные транспортные средства, безотходное циркулирование материалов, индивидуализацию потребления и использование конвергентных технологий во всех сферах жизни («умные города», «умные вещи», «умный дом» и т. д.).

В настоящее время инвестированием в развитие инновационно-информационных технологий заняты многие страны, но в финансировании применения цифровых научных знаний в практических, промышленных целях наиболее существенно продвинулись США, Китай, Канада, Сингапур,

Япония и Германия. Но, если в Германии речь идет о новых производственных процессах, то в США большее значение имеют цифровые платформы. Япония хорошо известна своими научными разработками в области автомобилестроения, электронной технике, оптике, сейсмостойком строительстве, промышленной робототехнике и даже в металлургии.

В России развитие нового технологического уклада привело к оцифровке многочисленных предметов и средств труда, а также к организации новых форм сотрудничества и обмена. При этом, российские экономисты разработку промышленных интернет технологии связывают не только с коммуникационной составляющей людей, но и с развитием коммуникаций типа машина-машина (M2M). В данных условиях люди, вещи и механизмы становятся все более взаимосвязанными, а трудовая деятельность оказывается неожиданно более прозрачной, безопасной, специфичной, расширяющей границы использования инновационных информационно-коммуникационных технологий. Одновременно работа ускоряется, профессиональные задачи усложняются, становится транспарентной и более контролируемой извне. Теперь, сбор и анализ неструктурированных данных осуществляется через алгоритмы, цифровые приложения и устройства что позволяет сделать контролируемым каждое движение работника, и ежесекундно тестировать качество исполнения трудовых обязанностей. В результате изменения профессионального инструментария, коммуникационной составляющей и элементов делового пространства, радикально меняются содержание профессиональных компетенций, индивидуально-технологический профиль работника и требования к нему, вместе с этим сохраняется неустойчивости и неопределенности процесса происходящих изменений.

В цифровой среде создаются рабочие места, не привязанные к одному месту и времени труда, а большая часть трудовых операций полностью автоматизируется. Вследствие падения объемов человеческого труда, особенно у лиц со средней квалификацией, в новом хозяйственном укладе (цифровой экономике) окажется ненужным ряд профессий, тогда как значение инженерных и компьютерных специальностей сильно возрастёт. Также более востребованными окажутся профессии, связанные с развитием личности и технологиями манипулирования сознанием, особенно в сфере предоставления социальных услуг и в масс-медиа. С другой стороны, речь идет не столько о потере профессий и рабочих мест, сколько о потере отдельных видов деятельности. Современной экономике на рынке труда ожидается падение спроса на недорогой и мало востребованный в труд, а также сокращение жизненного цикла востребованных профессий.

Формальным доказательством столь негативных изменений служит отчет Федеральной службы государственной статистики России «О результатах выборочного обследования рабочей силы (ОРС)» согласно которому за период 2018-2020 гг. наблюдалось сокращение численности экономически активного населения с 75,78 млн. человек до 75,21 млн. человек. Кроме этого наблюдается снижение максимального уровня зарегистрированной безработицы с 6,4% в 2018 году до 4,75% в 2020 году.

При этом, по данным Росстата за последний 2020 год в «численности лиц обратившихся на биржу труда» наблюдается остро негативная тенденция, отражающаяся в росте данного показателя с 0,7 млн. человек приходившихся на начало года, до 3,7 млн. человек на конец года, что составляет прирост показателя на 4,9%.

Анализ влияния макроэкономических явлений на структуру российского рынка труда и занятости показал, что в постпандемический период (2020-2021 гг.) национальная экономика испытывала наибольший спрос в специалистах из следующих профессиональных областей: инновационная логистика, медицина и фармацевтика, строительство и недвижимость, профессиональное консультирование, IT сферы, виртуальная инсталляция и разработка on-line сервисов и т.п. Вместе с этим, происходит снижение спроса на специалистов в области искусства, развлечений, шоу-бизнеса, киноиндустрии, туризма, юриспруденции, ресторанного бизнеса, добычи и переработки сырья, науки, образования, автомобильного бизнеса и недвижимости. В данных отраслях наблюдается сокращение работников по уровню должностей, полу и возрастным группам, что находит отражение в табл. 1

Таблица 1

Классификация сокращенных работников в российской экономике за пандемический и послепандемический период

Оцениваемый показатель	Данные 2019 г.	Данные 2020 г.	Данные 2021 г.
По уровню должностей:			
- специалисты;	57,5%	46,3%	49,1%
- руководители подразделений;	23,1%	37,3%	41,2%
- служащие.	19,4%	16,4%	9,6%
По возрасту:			
- люди до 30 лет;	17,3%	34,1%	24,1%
- люди 34-40 лет;	57,6%	28,6%	34,9%
- люди 41-54 лет;	18,9%	26,8%	30,2%
- люди 55 и старше 65 лет;	6,2%	10,5%	10,8%
По половому признаку:			
- женщины;	73,2%	61,4%	59,8%
- мужчины.	26,8%	38,6%	40,2%
По уровню образования:			
- начальное профессиональное;	20,8%	19,8%	16,3%
- среднее профессиональное;	42,6%	47,5%	43,8%
- высшее профессиональное.	36,6%	32,7%	39,9%

Источники: составлено по данным Всемирного экономического форума, WEF и исследовательского центра ResearchMe.

При этом конкуренция среди соискателей в указанных отраслях увеличилась в среднем на 12-15%, а спрос на специалистов данных отраслей сократился на 8,9,6%. В то же время, по данным агентства HendHunter «уже к середине IV квартала 2020 года ситуация на российском рынке труда немного стабилизировалась» [8, с.39]. К тому же больше всего пострадали работники сферы бытовых услуг и торговли (за период III квартал 2019 г. - III квартал 2020 г., их занятость сократилась на 522 тыс. чел.), а также «специалисты среднего уровня квалификации (- 400 тыс. чел.)» [8, с.40].

Кроме этого, согласно заявлению Минэкономразвития РФ общая численность сокращенных граждан России в пандемию 2020 года составила 680 тыс. работников. А каждый пятый человек потерявший работу, так и не смог найти новое место труда, на сложившемся рынке труда.

По оценкам экспертов отраслевые изменения в экономике, связанные с ее цифровизацией, и чаще всего находят отражение в работе больших предприятий. Особенно сильны указанные тенденции наблюдаются в деятельности предприятий сектора ИКТ, финансов, страхования, автомобилестроения, электротехники. Цифровая среда становится частью развития здравоохранения, образования и социального обеспечения и только в сферах воспитания, жилищно-коммунального хозяйства, гостиничного бизнеса изменения происходят медленнее, поскольку больше ценятся персонализированные отношения и услуги.

Таким образом, эволюция технологической парадигмы и системы управления, вызванная ускоренной цифровизацией в первую очередь информационных потоков, видоизменила потребительские запросы, переведя их в режим стриминга учитывающего возможности новые формы live commerce. Это в свою очередь усилило темпы генерирования инновационных идей в создание цифровой инфраструктуры, а это изменило не только технологическую составляющую и фазы промышленного цикла, но и коммерческую привлекательность квалифицированного труда, организационные и содержательные основы трудовой деятельности, что стало причиной структурных изменений на рынке труда и формирования новой модели труда и занятости, которую называют «Работа 4.0».

Последние исследования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруда) показали, что для современной сферы занятости характерны следующие эффекты:

1. повышается скорость и глубина мирового экономического кризиса и нарастание массовой безработицы (например, больше увольняется,

- чем нанимается работников на длительный или постоянный период времени);
2. усиливается дефицит определенных кадров, обладающих необходимыми компетенциями и знаниями;
 3. изменяются условия труда для работников (становятся менее жесткими требования к месту и времени труда, увеличиваются трудовые нагрузки, корректируется содержание труда);
 4. востребованным остается опыт деятельности в определенном профессиональном поле;
 5. повышается значение социальных, межкультурных и управленческих знаний и навыков.

Следовательно, современные структурно-технологические изменения, качественная перестройка человеческого капитала, осуществляемые в результате воздействия социально-политических факторов и целенаправленного конструирования новой технологической парадигмы «Индустриальная революция 4.0» радикально меняют привычное социально-политическое устройство и экономические отношения в российском обществе. Масштабные последствия формирования указанной парадигмы ожидаются не только в сферах управления, образования, маркетинга и сбыта, но, и в сферах труда и занятости населения. Уже сегодня заметны результаты произошедших инновационных преобразований системы государственного управления, обороны, здравоохранения и сферы коммуникаций, которые получили возможность стабильного развития при сохранении занятости в посткризисный период, вызванный пандемией коронавирусной инфекцией и связанными с ней ограничениями.

Между тем оценка рисков падения спроса на труд (занятость) по секторам экономики, проведенная на основании данных МОТ (т.е. Международной организации труда) за 2019-2021 гг. показала существенные проблемы в формировании конкурентоспособности работников и возможности организации привычной схемы занятости, в том числе на муниципальном рынке труда.

Кроме этого, наблюдается обострение вопросов социальной дифференциации и стратификации российского общества, что требует немедленной реакции Правительства РФ и переосмыслений ценности принятой к реализации новой модели труда и занятости «Работа 4.0». Согласно содержанию которой, во-первых, новые требования к подготовке работников, распространяющиеся на все без исключения профессиональные группы, во-вторых, происходит размывание классической организации труда и

привычных схем занятости. Следовательно, в соответствии с данной моделью в ближайшем будущем профессиональный труд и его результаты станут исключительно зоной персональной мотивации и ответственности каждого индивидуума.

Помимо этого концепция «Работа 4.0» предполагает одновременно изменение структуры трудовых доходов и приведение индивидуальных размеров оплаты труда к социальному эффекту на предприятии, который измеряется по ключевым показателям эффективности грейдерной системы факторов или Key Performance Indicators (KPI). И несмотря на динамичный рост экономики за счет создания новых форм работы и рынков на базе цифровых технологий и информационных систем, данные изменения в модели труда и занятости приведут к возрастанию неравенства в доходах и уничтожению среднего класса, как экономической прослойки общества. В наиболее уязвимые группы работников попадают представители низко квалифицированного труда, те которые вынуждены за незначительное вознаграждение выполнять простые задачи. Обладатели digital-профессий и инновационных компетенций в технократическом окружающем мире напротив, обретут множественные преимущества, в том числе в оплате труда. Усиление гендерного неравенства рабочей силы связывается с новым характером занимаемых профессиональных позиций: ожидается, что на три потерянных мужских рабочих места будет появляться одно новое, тогда как у женщин появление одной новой позиции будет обусловлено потерянными ими пятью рабочими местами. Подтверждение этому мы можем увидеть на сайте Атлас новых профессий, согласно данным которого до конца 2025 года с рынка труда Российской Федерации может исчезнуть порядка 30-32 профессий (такие как: референт, переводчик, диагност, оператор государственных услуг, бухгалтер, логист, системный администратор, диспетчер, провизор, аналитик, журналист, маклер/риэлтор, экскурсовод, юрисконсульт, нотариус, банковский операционист, страховой агент и др.). При этом возрастает спрос на специалистов в атомной физике, в сельскохозяйственной генной инженерии, по работе с возобновляемой энергией, в Government relations – специалистах, Веб-дизайнерах, email-маркетологах, хедхантерах, спичрайтерах, таргетологах, киберследователях, Арт-управляющих, андеррайтерах, коучах, бренд-менеджерах, тайм-менеджерах, SMM-менеджеры и др.

Стремительно трансформирующиеся условия труда предполагают приспособление работников к технико-технологическим изменениям или, в радикальном случае, замещение людей робототехникой и искусственным интеллектом. Цифровые устройства, экосистемы, платформы,

роботизированные и сетевые автоматизированные системы, программно сетевые сервисы активно используются для максимально эффективной реализации трудовых функций и повышения производительности труда. Часть трудовых непрофильных функций в цифровой экономике передается в аутсорсинг, а большая часть профессиональных задач вообще выполняются автоматизированными устройствами, что приводит к развитию нового вида трудовой деятельности, известного как «on-demand-economy» (экономика по требованию).

В немецких статистических опросах проведенных еще в 2017 году указывается, что порядка 35 % офисных служащих регулярно работают вне офиса, а более чем 18 % служащих и 7 % рабочих выполняют несколько раз в неделю трудовые задания вне официального рабочего времени. При этом четверо из пятерых опрошенных работающих немцев указали, что в последние пять лет изменилось технологическое оформление их рабочих мест. Одновременно увеличивается темп выполнения трудовых задач и все чаще нарушается привычный график труда — по 8 часов в будние дни. Через мобильные устройства рабочие задания поставляются быстрее и достигают работника в любое время. В Германии каждый четвертый занятый работает по вечерам, каждый десятый — по ночам, то же самое характерно для выполнения работы в выходные дни. Вместе с этим достаточно большие объемы рабочего времени остаются неоплаченными. Еще одной проблемой и возможностью для работников немецких фирм, и лиц ищущих работу, выступает возможность участвовать в роли исполнителя заказов, размещенных на специализированных цифровых платформах заказов на выполнение работ, как правило, разделенных на мелкие задачи, что лишает части работающего населения реализации своего отпускного периода.

Следовательно, такого рода работа способна размывать личное время и жизненное пространство работников и негативно повлиять как на психологическое так и на физическое состояние людей.

Еще одним изменением в организации труда стала компактность работы, которую можно переносить в другие места. Одной из важнейших задач, стоящих перед разными странами в области развития потенциала рабочей силы, является перестройка системы образования и подготовки специалистов, а также создание практико-ориентированной образовательной среды для переподготовки и перманентного повышения квалификации трудящихся (lifelong learning, blended learning). Это связано с ростом спроса на высококвалифицированных специалистов, которые не только создают новые технологии, но и умеют управлять комплексными системами. В

заявлениях политиков на Всемирном экономическом форуме в Давосе отмечается взрывной характер начавшихся изменений, и это означает, что у людей будет очень мало времени на адаптацию к новым требованиям. Особенно необходимыми для будущей рабочей силы называют информационные технологии, которыми должны владеть не только избранные специалисты, а широкие группы трудящихся разных профессий. Этот процесс назван «обновлением квалификации». Так, в современных зарубежных мониторингах занятости уже сейчас акцентируется использование интернет-технологий при выполнении трудовых задач. По данным немецкого опроса еще в 2014 г., 54 % занятых использовали на рабочем месте компьютер с выходом в интернет. В новой модели работы пользование компьютером уже относится к базовым навыкам, как раньше к ним относились умения читать, писать или считать. В Германии 92 % занятых владеют навыками работы на компьютере, которые считаются элементарной цифровой грамотностью. При этом их навыки могут варьироваться от простейших умений до сложных знаний. К базовым навыкам относят также информационную грамотность, которая означает умение целенаправленно, самостоятельно, ответственно и эффективно обходиться с информацией, составляющей рабочий контент трудящегося. В настоящее время в Германии информационными и коммуникативными технологиями владеют 80 % работников. По мере развития технологий и сокращения циклов их внедрения в экономику такие компетенции и знания должны усложняться. Таким образом, в профессиональном профиле современного работника содержится комплекс компетенций, в котором наряду с профессиональными знаниями важны системные, креативные навыки, способности к абстрагированию, быстрой обработке и селекции информации. Особое место в цифровой экономике занимает цифровая грамотность работника. Она может содержать различные умения. На элементарном уровне современные работники должны уметь пользоваться компьютером, мобильными устройствами, работать с приложениями и программами Lifelong learning — непрерывное обучение, по крайней мере, на протяжении всей трудовой жизни индивида; Blended learning — развитие новой, интегрированной системы обучения, в которой наряду с классическим обучением, предполагающим физическое присутствие индивида, наращиваются элементы самообразования и удаленного обучения, например, с использованием вспомогательных средств (электронных устройств и виртуальных образовательных программ (E-Learning)).

В условиях глобализации современные компании все чаще для оптимизации затрат на персонал используют внешнюю рабочую силу и/или

внештатных сотрудников-фрилансеров, уже обладающую необходимыми мягкими навыками, цифровыми компетенциями (т.е. Digital Literacy в переводе с английского это умения и знания, которые необходимы для использования новых технических устройств и с ними связанных информационных и коммуникативных сетей), креативным мышлением, а также владеющего технологиями омникальности, управления смыслами, краудсерсинга и mobile labor technologies (т.е. технологиями мобильного труда и вне офисной интернет-занятости). Данного рода специалисты способны осуществлять работу из дома (телеработа), на территории клиента (сервисные виды труда), или на выезде в рамках выполнения служебных поручений (выставки, конференции) [10, С.65]. Такой подход размывает границы типичной массовой профессиональной деятельности и предсказуемости развития карьеры. Практически пропадает стабильность и уверенность в завтрашнем дне, а смена должности, специальности и места работы через каждые 3-5 лет теперь кажется нормальным явлением, как для молодых специалистов, стремящихся к карьерному росту и высоким уровнем оплаты труда, так и работодателям на профессиональном рынке рабочей силы. ■

Рассуждая о качественных характеристиках современного рынка труда, следует помнить, что в экономической теории его сопутствующим явлением считается безработица, которая в настоящее время присуща всем странам мира, всем регионам, но в различных объемах, формах, продолжительностью по времени и последствиями. Для ликвидации данного явления экономическая теория предусматривает государственное вмешательство, т.е. регулирование путем определения принципов и правил регулирования перекрестных интересов всех участников рынка труда.

В условиях совершенной конкуренции рынок труда предполагает разделение на сегменты в зависимости от элементов, структуры, отношений между участниками, механизмов и условий (т.е. пространства) его функционирования.

По пространственному признаку или сегменту условий функционирования рынка труда он делится на государственный, региональный и муниципальный рынки. В свою очередь «муниципальный рынок труда» является ответвлением рынка занятости, действующем на территории конкретного муниципального образования, как социально-экономические системы, элементы которой взаимосвязаны и совместно функционируют для достижения общей цели.

Изучение сущности, структуры и качественных характеристик российского рынка труда позволило выделить особенности и специфику муниципального рынка труда.

Отличительными особенностями муниципального рынка труда являются:

- Важность территориальных аспектов, что предполагает четкое определение границ муниципальных рынков труда при перемещении трудовых ресурсов.
- Социальная ориентированность рынка труда, которая выражена во взаимодействии власти и населения в муниципальном образовании строящаяся на наличие обратной связи.
- Особая повышенная мобильность трудовых ресурсов в сравнении с мобильностью в регионе, которая вызвана психологическими особенностями человека.
- Иерархичность и эмерджентность системы управления муниципальном рынком труда, которые выражены во влиянии региональных и федеральных органов государственной власти на данный рынок.

При этом следует помнить, что особенности современного муниципального рынка труда в каждом муниципальном образовании разнятся между собой, а это вызвано нестабильностью развития как самого рынка, так и каждой муниципальной единицы.

К специфике муниципального рынка труда следует отнести его роль:

1. В регулировании муниципальной экономики, путем максимизации полезного использования имеющегося потенциала горожан;
2. В регулировании социального неравенства, с помощью реализации муниципальных программ по защите населения от безработицы, благодаря выплатам пенсионного характера, субсидированию малоимущих семей и медицинскому страхованию.

Муниципальный рынок труда, осуществляя свои функции (социальную, экономическую стимулирующую и регулирующую), обеспечивает:

- реализацию государственных гарантий занятости и профессионального роста;
- формирование условий социальной стабильности граждан;
- рациональное вовлечение, распределение, регулирование и использование профессиональных возможностей и личностных способностей соискателей рынка труда;

- установление нормального уровня дохода и благосостояния населения, а также установление равновесных ставок заработной платы;
- организацию свободного доступа и здоровой конкуренции среди участников рынка труда;
- воспроизводство трудовых ресурсов.

Для обеспечения стабильного, прогрессивного развития муниципального рынка труда необходим жёсткий государственный контроль и развитая политика, учитывающая новые социально-экономические тенденции развития общества и мировой экономики. По мнению разработчиков последнего экономико-технологического уклада, именуемого «цифровизацией», данная технология должна помочь в снижении уровня безработицы. Однако, пока что внедрение цифровых технологий наоборот, год от года приводит к регрессу муниципальных рынков труда, приближая общество к тотальной безработице. Это связано с тем, что большую часть современных профессиональных функций, выполняемых человеком, способны выполнять современные роботы и программы искусственного интеллекта, которые в обслуживании дешевле, возможно их круглосуточное и долговременное использование. Более конкретным на наш взгляд, является определение, данное С. Шерстобитовым: «цифровизация - это система экономических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий». [16]

Основным направлением цифровой экономики является быстрое и легкое предоставление услуг через Интернет, а также с использованием иных инновационно-информационных технологий (Хостинге, блокчейнинге, ip-телефонии), технологиях «цифровой нефти», «интернет вещей» и т.д.

На сегодняшний день цифровая экономика предоставляет массу новых возможностей для потребителей и продавцов: благодаря использованию цифровых средств и технологий существенно снижается стоимость товаров и услуг (за счет снижения затрат на их продвижение, упразднения логистики, замены человеческого труда робототехникой т.п.) и появляются новые источники дохода (например, производство «интернет вещей»). Кроме этого, в сети стоимость услуг намного ниже их рыночной (доступной в традиционной экономике, цифровой нефти и т.п.), а сами услуги, как коммерческого, так и государственного масштаба становятся доступнее и удобнее.

Реализация нового технико-экономического уклада «Индустрия 4.0» привела к обширным изменениям, «позволила переформатировать привычные хозяйственно-экономические связи и существующие бизнес- модели, а

также построить оцифрованную систему денежного обращения. Это сделало финансовые операции безопаснее и оперативней» [9, с. 61], существенно уменьшило транзакционные издержки финансового рынка.

Использование современных электронных каналов связи, способов учета и хранения промышленно-коммерческой информации, наличие доступа к быстрому, почти мгновенному получению любых необходимых данных всеми участниками экономического процесса, способствует стремительному развитию компаний, и помогает развитию как «здоровой», так и «не здоровой» конкуренции.

Кроме этого, согласно утверждению Совета Безопасности РФ воплощение принципов четвертой промышленной революции «Индустрия 4.0» и концепции «Цифровая экономика» – позволяет по сравнению с традиционными формами хозяйствования существенно повысить эффективность, качество и производительность в различных видах производства, технологий, оборудования, при хранении, продаже, доставке и потреблении товаров и услуг.

С другой стороны, цифровизация экономики очень тесно связана с роботизацией всех производственно-технологических процессов и наращиванию роли глобальных трансформационных платформ, а это в свою очередь ведет к росту рисков потери данных, потери бизнеса, сокращению рабочих мест, нарушению безопасности, конкуренции и вообще существованию малого бизнеса.» [9, с. 62]

Помимо этого, цифровизация как экономическое явление ведёт к различным изменениям, по большей части к положительным. В частности обеспечивает более высокую производительность труда, повышает конкурентоспособность компаний, снижает издержки производства, более жестко регулирует трудовые отношения, вмешивается в ход кризиса, ослабляя его, помогает в удовлетворении потребностей человека, снижает уровень безработицы и бедности. Так. По данным Европейского управления по труду (European labour authority) «цифровизация мира несет с собой создание новых рабочих мест, так в США каждое высокотехнологичное рабочее место создает 4,9 дополнительных места в других сферах». [1, с.23]

Исследователи НИУ ВШЭ выделяют два ключевых фактора, которые в «цифровую эпоху» оказывают особенно существенное влияние на процесс устройства на работу и найма/привлечения рабочего персонала.

Во-первых, значительно возросшая благодаря интернету и специальным веб-сервисам прозрачность информации как о компаниях-нанимателях, так и о потенциальных кандидатах-соискателях. Самым известным из

упомянутых веб-сервисов на текущий момент является Glassdoor, публикующий персональные отзывы сотрудников почти по 500 тысячам компаний всего 12 мира [19]. В свою очередь, значительную роль играют различные социальные сети, из которых можно почерпнуть немало полезных сведений о работодателях и работниках.

Вторым фактором стала заметно усилившаяся конкуренция между компаниями в сфере поиска и привлечения наиболее талантливых и квалифицированных специалистов. Причем наиболее востребованным постепенно становится т.н. поколение Миллениума (millennials, другое популярное обозначение – поколение Y), – особая демографическая когорта молодых людей, родившихся в 80-90-е гг. XX века. В одних только США к 2020 г. на ее долю будет приходиться около 40% от всего трудоспособного населения. Представители этого поколения рассматриваются в качестве главного соискателя новых рабочих мест и профессий, появляющихся благодаря стремительному росту современных цифровых технологий.

Одновременно, наблюдается обратный эффект, – все более заметным становится разрыв в цифровых знаниях (т.е. digital skills gap) и осведомленности о продуктах из сферы хайтек, между различными поколениями [13. С.149]. Это не позволяет специалистам старшего поколения найти себе достойное рабочее место на рынке цифровых профессий (т.е. digital positions). Доля которого по данным аналитиков в сфере занятости к 2022 году займет 27-32% из всех предложенных вакансий.

Еще одним заметным трендом последних лет стал очень быстрый рост рынка занятости по требованию (employment ondemand). Данный вид занятости в России получил название как неформальной внештатной занятости, т.е. деятельность самозанятых, которая получила свое развитие и популяризацию с момента введения в действие Федерального закона №422-ФЗ от 27.11.2018 г. На сегодняшний день по данным Федеральной налоговой службы России на территории Российской Федерации действует 2,7 млн. самозанятых лиц.

Вслед за многими исследователями вопросов цифровизации общества, хотелось бы выделить два ключевых фактора, которые в «цифровую эпоху» оказывают особенно существенное влияние на процесс устройства на работу и найма/привлечения рабочего персонала.

Во-первых, значительно возросшая благодаря интернету и специальным веб-сервисам, транспарентность информации, как о компаниях-нанимателях, так и о потенциальных кандидатах-соискателях. Самым известным из упомянутых веб-сервисов на текущий момент является Glassdoor,

публикующий персональные отзывы сотрудников на более чем 770 тысячам мировых компаний из которых порядка 3 тыс. компаний являются российскими или российскими представительствами. Также немаловажную роль для ускорения и упрощения процесса трудоустройства играют социальные сети (например, ВКонтакте, Twitter, Одноклассники, You Tube, Gzone, Facebook, Telegram, Ask.fm и др.) и созданные внутри них различные группы (сообщества). Например, в Telegram групп, связанных трудоустройством в настоящее время зарегистрировано порядка 53 единицы, самыми популярными из которых оказались: «Проект Алины Владимировой, вакансии, полезные статьи и анонсы для студентов Антирабства»; «Карьера в международных и российских корпорациях, тематические статьи и репосты изредка реклама других каналов и ссылки на вакансии»; «Вакансии с удаленной работой со всего рунета» и т.п. В Facebook таких групп зарегистрировано порядка 30 единиц, самыми популярными из которых оказались: «Моя новая работа», «Вакансии от друзей», «Работа по душе», «Ваша работа и наша забота» и т.п. В ВКонтакте таких групп приблизительно существует порядка 87 единиц, самыми популярными из которых являются: «Поиск работы в контакте», «Поиск удаленной работы», «Вакансии и резюме» и т.п.

Вторым фактором стала заметно усилившаяся конкуренция между компаниями в сфере поиска и привлечения наиболее талантливых и квалифицированных специалистов. Причем наиболее востребованным постепенно становится т.н. поколение Миллениума (millennials, другое популярное обозначение – поколение Y), – особая демографическая когорта молодых людей, родившихся в 80-90-е гг. XX века.

Значительный вклад в ускорение процесса цифровизации всех экономических систем России внесла пандемия COVID-19, которая обострила проблемы развития новых форм трудовой деятельности (соотношение офлайн и онлайн-занятости) и построения в них эффективных социально-трудовых отношений, а также оголила вопросы нарастающей вынужденной безработицы.

Тем не менее, сегодня основным направлением цифровой экономики является быстрое и легкое предоставление услуг через Интернет, а также с использованием иных инновационно-информационных технологий (Хостинге, блокчейнинге, ip-телефонии), технологиях «цифровой нефти», «интернет вещей» и т.д.

На сегодняшний день цифровая экономика предоставляет массу новых возможностей для потребителей и продавцов: благодаря ей существенно снижается стоимость товаров и услуг (за счет снижения затрат на их

продвижение, упразднения логистики, замены человеческого труда робототехникой т.п.) и появляются новые источники дохода (например, производство «интернет вещей»). Кроме этого, в сети стоимость услуг намного ниже их рыночной (доступной в традиционной экономике, цифровой нефти и т.п.), а сами услуги, как коммерческого, так и государственного масштаба становятся доступнее и удобнее.

Цифровизация экономики привела к обширным изменениям, основанным на использовании современных электронных каналов связи, способов учета и хранения информации, предоставив доступ к быстрому, почти мгновенному получению информации всеми участниками экономических процессов, во всех её проявлениях. Что способствует стремительному развитию компаний, и помогает развитию как «здоровой», так и «не здоровой» конкуренции.

Являясь следствием технического прогресса, цифровая экономика дала возможность даже самым маленьким предприятиям, не обладающим, в самом начале своего пути, огромными финансовыми возможностями, но умеющих грамотно подстраиваться под изменения в экономической среде и работать с инновациями, добиться успехов за довольно короткий срок.

Наличие в организации персональных компьютеров и доступа к интернету можно рассматривать как стартовые условия для развития электронного бизнеса. Доля пользователей этих видов ИКТ среди организаций предпринимательского сектора составила в 2016 г. 89 и 85% соответственно, финансового – 94 и 92%. За последние пять лет значение этих показателей практически не менялось, что позволяет говорить о достижении уровня насыщения.

Эффективность использования сетевых ресурсов при реализации бизнес-процессов в значительной степени определяет наличие качественного, скоростного доступа к сети Интернет. В России широкополосный интернет в 2018 г. использовало порядка 87% предпринимательских структур и 96% – учреждений финансового сектора. В числе лидеров по этому показателю предприятия обрабатывающих производств и торговли (88–90%), самый низкий показатель по транспортным организациям (74%). Среди организаций предпринимательского сектора, использующих широкополосный интернет, 42% имеет скорость доступа к сети на уровне 2.0–30.0 Мбит/с, каждая пятая (19%) – 30.1–100.0, 11% – выше 100 Мбит/с.

При этом развитие промышленных телекоммуникационных сетей, действующих на основе стандартов 5G/IMT-2020, позволяет внедрять IIoT- или IoT-решения (т.е. решения промышленного интернета вещей) допускающие

объединение через упрощенную систему датчиков деятельность нескольких рабочих мест (станков) в единую цепь (общую сеть), по которой передается все необходимая информация, способствующая максимально эффективной и бесперебойной деятельности предприятия. Данное технологическое решение даст возможность в обозримом будущем обновить условия труда и его организацию, сформировав с одной стороны высокороботизированное, а с другой стороны высокоиндивидуализированное рабочее пространство. Это в свою очередь существенно упростит управление рабочим процессом и позволит использовать схему частичной занятости, когда работник будет трудиться не 40, а 18 часов в неделю. Подобные бизнес-модели уже применяются во многих организациях давая надежду (особенно для молодого поколения трудовых человеческих ресурсов) на дальнейшую стабильность трудового пространства.

С 2018 года, в условиях цифровизации экономики, главным трендом на российском рынке труда является автоматизация, роботизация и диджитализация процессов. При этом возникла тенденция к исчезновению некоторых видов профессий за счёт интеграции IT- технологий во все сферы деятельности. На трудовом рынке приоритет отдаётся специалистам, владеющим новейшими технологиями, «knowledge worker» или «professionals» квалификацией или навыками в области softskills. Однако, при дальнейшем росте уровня цифровизации будет увеличиваться коэффициент рабочего населения, переходящего на рынок труда нового поколения. По прогнозам специалистов, до 2023 года 40% рабочих мест станут виртуальными.

В тоже время цифровые технологии не направлены на определённую отрасль, их применение может быть максимально глобальным. Результаты нарастания роли автоматизации приводит одновременно и к положительным и к отрицательным последствиям. С одной стороны, цифровизация повысит уровень развития экономики, обеспечит страну лидерскими позициями на мировом рынке, однако, негативный эффект приведёт к резкому росту уровня безработицы, прослеживаемым, в первую очередь, на занятых в производстве продукции и услуг.

В связи с популяризацией занятости в интернете в условиях цифровизации быстро развиваются цифровые рынки труда, на которых подобная занятость становится массовой, а между работниками нарастает конкуренция и разделение труда за счет всеобщей модернизации профессиональной квалификации и развития цифровых навыков.

В рамках исследования влияния массового внедрения киберфизических систем в промышленное производство и цифровой трансформации

социально-экономического пространства на качество развития российского бизнеса, компаниям - респондентам был задан вопрос «Насколько цифровые технологии в целом оказывают сегодня влияние на бизнес вашей компании?» Были получены оценки влияния по шкале от 1 до 10, где 1 – влияние полностью отсутствует, 10 – цифровые технологии имеют определяющее значение для развития компании. В среднем была получена оценка в 7 баллов, то есть влияние цифровых технологий на бизнес компаний уже сейчас оценивается как достаточно высокое. Оценки выше средней по выборке показывают компании крупного бизнеса и компании, находящиеся на зрелой стадии цифрового развития (8 баллов). Более низкую оценку (5 баллов) отметили компании, которые находятся на ранней стадии цифрового развития. По той же 10-ти балльной шкале респондентов просили оценить такое влияние через 5 лет. Полученная оценка оказалась равна 8 баллам, то есть чуть выше, чем в настоящее время.

Особое внимание хотелось бы обратить на тему «Степени влияния на рынок труда постоянно растущей автоматизации производства и использования различных роботизированных технологий и оборудования». Здесь, помимо активно тиражируемой различными СМИ «угрозы нашествия роботов», следует еще раз упомянуть общий значительный прогресс в вычислительных возможностях и в сферах применения современных цифровых технологий. Особый прогресс можно отметить в таких областях, как распознавание речи и образов, которые также могут резко изменить будущее распределение профессиональных обязанностей между людьми и компьютерным оборудованием и программами. Например, такие технологии, как когнитивный компьютеринг, уже сегодня представляются вполне реальной альтернативой различным рутинным человеческим действиям, вроде сортировки товаров и продуктов на складах или корреспонденции в офисах.

В условиях цифровизации экономики современный рынок труда потерпел глобальные изменения. В первую очередь кардинально изменились требования к специалистам, при этом их объем и структурная составляющая, до сих пор остаются неопределёнными. В результате множество профессий, а вместе с тем и специалистов, становятся невостребованными, медленно исчезают такие профессии как: бухгалтер, юрист, экономист, журналист, таксист, официант и т.п.

Однако, давать какие-либо количественные или качественные оценки того, сколько рабочих мест, профессий и трудовых обязанностей будет потеряно людьми, и рассуждать о том, какие именно из них окончательно исчезнут, не представляется возможным. Указанные подвижки на

рынке труда могут привести к росту числа безработных и дальнейшему возрастанию социального неравенства.

Кроме этого, вследствие исчезновения некоторых видов профессий, появляется ещё одна проблема, обязанности и функционал нового сотрудника появляется гораздо раньше, чем сформулирована его должность, а следственно и нет никакой возможности его обучить (например, специалисты блокчейн).

Уже сегодня 73% недавно опрошенных топ-менеджеров компаний-нанимателей испытывают серьезные проблемы при поиске квалифицированных специалистов обладающих необходимыми цифровыми навыками, а также новыми коммуникативными и социальными. «Четко осознавая эту растущую угрозу, многие промышленные и сервисные компании искусственно стимулируют рост числа людей, обладающих необходимыми знаниями и умениями в области применения цифровых технологий. В частности, они активно развивают (зачастую, совместно с ведущими вузами и колледжами) специальные образовательные и/или тренинговые инициативы и программы. Особую популярность в последние годы приобретают и различные курсы, и программы онлайн-обучения, которые предлагаются не только для потенциальных соискателей новых рабочих мест и профессий, но и самими компаниями для повышения цифровой квалификации собственного персонала. Поэтому, в ближайшее время основная ставка, в том числе на муниципальном рынке труда субъекты предложения будут делать на рекрутировании персонала.» [12. С.378.]

Муниципальный рынок труда на большей территории Российской Федерации не готов к переходу новой технологической парадигме «Индустрия 4.0», и распространению новой модели труда и занятости «Работа 4.0». Как результат продолжают сохраняться низкие показатели занятости в сфере информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникаций, а это негативно сказаться на конкурентном положении муниципалитета, региона и всей страны.

Из-за отсутствия специальных мониторингов и обследований наблюдается высокая степень неопределённости, особенно в среде самозанятых по направлениям специфики развития своего трудового потенциала и освоения тех или иных компетенций, а, следовательно, в реализации тех или иных проектов. В итоге самозанятые России не являются более подготовленной группой для работы в новых условиях. Напротив, из-за того, что новая занятость связана с мужским типом труда, данная группа является наиболее уязвимой

и требующей государственной поддержки на рынке труда. Это обуславливает необходимость совершенствования механизмов регулирования рынка труда.

Важным последствием цифровизации муниципальных рынков труда и системы занятости является обострившаяся потребность в коррекции нормативно-правового обеспечения, общественных отношений в сфере страхования и налогообложения, а также деятельности институтов контроля за качеством осуществляемой предпринимательской деятельности и организации в ней трудовых отношений. Это требует от муниципальных властей осуществления мер дополнительной государственной поддержки, разработки перспективных балансов развития базовых отраслей и градообразующих объектов муниципальной экономики, а также муниципального рынка рабочей силы. С учетом возможностей качественного изменения объектов и деятельности учреждений муниципальной системы образования и существующих рисков в системе занятости населения.

В заключение отметим, что цифровизация как концепция экономического развития направлена на выравнивание уровня доходов и качества жизни граждан, проживающих в различных регионах и муниципальных образованиях России. Для этого первоочередной задачей Правительства РФ было снижение информационного неравенства за счет формирования доступного, качественного и высокоскоростного интернета. Следующей задачей являлось обеспечение равного доступа граждан страны к получению первичных цифровых навыков на базе муниципальных служб занятости.

Практика технико-технологического развития и увеличения роли автоматизации в производстве и экономике кардинально поменяла структуру спроса и предложения на рынке труда. В результате перестройки модели занятости, осуществляемой в цифровом пространстве, появились как новые возможности, так и риски, и для экономики, и для трудоспособного населения. Сегодня в интернет пространство оцифровываются и переносятся предметы и средства труда, что приводит к вынужденному формированию новых форм обмена и сотрудничества. Интернет является уже не только средством коммуникации, но и пространством для коммуникации с вещами [12, с.380]. Всё это оказывает влияние на прозрачность трудовой деятельности, расширение границ образования и использования инноваций, что значительно улучшает качество трудовых ресурсов.

И хотя сейчас обстановка на российском рынке труда на данный момент кажется стабильной, абсолютно ясно, что совсем скоро ожидается скачок роста коэффициента безработицы, в виде прогнозов о снижении

объёмов человеческого труда. А это значит, что при разработке муниципальной стратегии подготовки кадров для цифровой экономики, требуется осуществления более глубокого и тщательного анализа перспектив дальнейшего развития науки и техники. Работникам же для того чтобы оставаться востребованными в условиях цифровизации экономики и действия пандемического COVID-19 кризиса необходимо постоянно самостоятельно совершенствовать свои профессиональные навыки и овладевать новыми цифровыми компетенциями.

Глава 3. Свобода совести в контексте социального развития и социальной интеграции общества: государство и религиозные организации

Введение

Несмотря на то, что право на свободу совести и вероисповедания является одним из основополагающих конституционных прав, на протяжении многих веков для российской модели государства была характерна зависимость церкви от государства. Принадлежность к определенной религии фиксировалась в официальных документах, меж тем, общество было не однородным по своему вероисповеданию.

Российское государство прошло долгий путь, оконченный в конце XX века. Пройдя через государственную борьбу с церковью и ряд законов, которые закрепляли как свободу совести, так и терпимость вероисповедания. Лишь Закон РСФСР 1990 г. «О свободе вероисповедания» изменил эту ситуацию, освободив государственные органы от контроля над деятельностью религиозных объединений.

В настоящее время право граждан на свободу совести и свободу вероисповедания закреплено Конституцией РФ, статьёй 28 и Законом РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» №125-ФЗ от 26.09.1997 г. Комментируя словосочетание «право на свободу совести и свободу вероисповедания», М.О. Шахов указывает: «Если «свобода» в правовом словоупотреблении означает гарантированную законом сферу независимости субъекта, в границах которой он может самостоятельно принимать решения и действовать независимо от внешнего принуждения, то «право» может предполагать наличие у государства корреспондирующей обязанности обеспечить условия для реализации этого права. Роль государства в обеспечении свободы совести и свободы вероисповедания не должна ограничиваться невмешательством в мировоззренческое самоопределение личности и соответствующую этому самоопределению законную индивидуальную и коллективную деятельность, но состоит также и в создании определенных условий для реализации гражданами права на свободу совести и свободу вероисповедания»²⁷.

На данном этапе, актуальность выбранной проблемы

²⁷ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / авт. колл.: М. О. Шахов [и др.] ; под общ. ред. Р. В. Маранова. - М.: Славянский правовой центр, 2011. - С. 47.

обуславливается не только тем, что Российская Федерация неоднородна по своему религиозному составу, но и тем, что в обществе все чаще возникают дискуссии о том, что государственная политика сделала виток, оказываясь снова там, откуда начинала свой путь: вернулись к поддержанию лишь православной церкви. В то время как развитие подлинного религиозного многообразия якобы государством не поддерживается.

В СМИ, прежде всего, либеральных, встречаются материалы о том, что в нарушении Конституции выделяются деньги на строительство лишь православных храмов, финансирование православных праздников и т.д., делается вывод о том, что «Русская православная церковь практически с первых же дней свободы билась за особый статус отношений с государством»²⁸. И хотя государство формально должно было бы быть нейтральным по отношению к конфессиям (этого требует и Конституция, закрепляя в статье 1 Российскую Федерацию как демократическое и правовое государство), на деле же большая поддержка оказывается Русской Православной Церкви (РПЦ).

Так же отмечается, что не совсем понятно, по какой причине выделяется именно православная церковь из множества других религий, которые присутствуют в нашей стране, тем более, социологи фиксируют высокую динамику роста числа атеистов.

Так, по данным ВЦИОМ (опрос 2021 года), «в период с 2017 по 2021 год процент неверующих увеличился вдвое: с 7 до 14%. Цифры эти, возможно, не выглядят впечатляющими, если не добавить к ним вывод социологов, что неверие наиболее динамично распространяется среди самой молодой страты, к которой были обращены вопросы исследователей. К неверующим отнесли себя 22% россиян от 18 до 24 лет. Еще 15% молодых граждан – к тем, кто колеблется между верой и неверием»²⁹.

Существует так же ряд проблем, которые отмечают исследователи, среди законотворческих инициатив органов власти. Некоторые из них – якобы неравноправное положение конфессий в России. В октябре 2008 г. Министерство юстиции РФ опубликовало список из более чем 50 религиозных объединений, которые предполагалось ликвидировать. Прежде всего, это были секты и нетрадиционные религии. Список включал мусульманские, иудаистские, буддийские, протестантские, а также альтернативные православные объединения. Несмотря на их

²⁸ Солодовник С. Россия: официальная церковь выбирает власть // Pro et Contra. – 2013. – №3-4 (59). – С.11.

²⁹ Атеистам предстоит сосуществовать с мусульманами. Редакционный материал [Электронный ресурс] // «Независимая газета»: Официальный сайт издания. https://www.ng.ru/editorial/2021-03-22/2_8108_editorial.html (дата обращения: 25.08.2021).

неоднозначность для общества и национальной безопасности в целом, данные действия несомненно вошли в известное противоречие с положениями Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» говорится: «Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той степени, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства» и вызвали острую дискуссию в обществе.

Так же законом закреплено положение о том, что религиозные организации могут быть ликвидированы либо по решению их учредителей, или органа, уполномоченного на то уставом религиозной организации, либо по решению суда, в частности, как секты и деструктивные организации. В Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» отсутствует термин «секта», но в юридической практике можно отметить неоднократные случаи его использования. Так, в Постановлении №16-П от 23.11.1999 г. Конституционного суда РФ был применен термин «секты», что получило следующую оценку отдельных экспертов: «Конституционный суд употребил это слово в официальном документе и тем самым развязал руки всем, кто навешивает ярлыки на неудобные им культы и начинает словесное избивание инаковерующих...»³⁰.

Справедливость этой оценки подтверждается практикой последнего десятилетия. Правоохранительные органы, обращаясь к специалистам для проведения религиоведческих экспертиз, практически всегда ставят вопрос: «Является ли данная организация деструктивной тоталитарной сектой?».

Наглядно можно проследить, что на постсоветском пространстве, к сожалению, существует ряд проблем, которые связаны с реализацией права свободы совести и вероисповедания, требующих своего обсуждения и разрешения. Поговорим о них подробнее.

Механизмы реализации права на свободу совести и вероисповедания в России и за рубежом. Невозможно провести достоверное научное исследование, если нет аналогии с опытом зарубежных стран. Так как в Российской Федерации только недавно начался путь защиты права на свободу совести и свободу вероисповедания, нельзя не брать во внимание практику Западных стран и Северной Америки, где

³⁰ Муру Р. Правовое определение понятия «секта» // Власть. - 2009. - № 5. - С. 85–88.

уже долгое время существует закон о свободе совести и вероисповедания, как одно из основополагающих конституционных прав граждан. Необходимо так же отметить, что для реализации любых прав и свобод нужно разграничить предмет ведения.

В совместном ведении, как правило, находятся, например, образование, культура, искусство, национальные памятники, демографическая политика, здравоохранение, охрана окружающей среды.

В исключительной компетенции субъектов федерации в большинстве стран находится вопросы охраны общественного порядка, культуры, санитарии, здравоохранения, образования, и др.

При всей условности подобной классификации и наличия некоторого дублирования, можно отметить, что вопросы регулирования и защиты прав человека (а значит, и права на свободу совести и вероисповедания) здесь решаются на всех уровнях, но всё же преимущественно на двух: исключительного ведения федерации и совместного ведения федерации и субъектов. Однако здесь необходимо отметить наличие двух принципов, наиболее важных для понимания рассматриваемой проблемы (хотя, безусловно, их перечень гораздо шире). Первый заключается в верховенстве федеральной конституции и федеральных законов над соответствующими юридическими актами субъектов федерации. Второй, который И.А. Умнова называет «принципом благоприятного правового режима». Он подразумевает, что не должно ухудшаться правовое положение человека и гражданина, умаляться доступ к материальным и духовным благам, гарантируемым федеральным центром.

При рассмотрении практики реализации права на свободу совести в федеративных государствах будет использована (в обратном порядке в связи с необходимостью более подробно рассмотреть опыт США) классификация федераций (критерием которой является характер разграничения предметов ведения), приведённая в работе В.Г. Введенского и А.Ю. Горохова³¹. Отдельно мы выделим здесь Австрию, поскольку её органический закон содержит четыре варианта распределения предметов ведения.

Вообще, если говорить об Австрии, то проблема реализации права на свободу совести и вероисповедания решается в основном на федеральном уровне. Наиболее показателен пример одобрения прохождения альтернативной службы. В этой стране, если у призывника есть религиозные

³¹ Введенский В.Г., Горохов А.Ю. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта: Монография. – М.: Серебряные нити, 2002. — 128 с.

или идеологические убеждения, которые мешают ему проходить военную службу, разрешается заменить её альтернативной гражданской службой. В любом случае процент одобрения заявок чрезвычайно высок и достигает почти 65%. Это показывает уровень развития австрийского законодательства в отношении реализации права на свободу совести и религии. Государство подходит к этой проблеме с предельной заботой и пониманием различных религиозных групп, обеспечивая самые лояльные условия для выполнения гражданского долга, несмотря ни на что.

Аналогичная система работает в Бельгии, Нидерландах и Норвегии. Там новобранцам предоставляется полная информация о том, что они могут претендовать на статус новобранца, который отказывается от военной службы по соображениям веры. Эта информация предоставляется именно во время призыва, чтобы каждый гражданин мог в полной мере реализовать свои права и возможность защитить их. В то же время уровень правовой осведомлённости граждан настолько высок, что реализация защиты их права на свободу совести не служит способом уклонения от военной службы.

Следующая группа государств также характеризуется довольно высоким уровнем централизации – Индия и Малайзия. Общеизвестный факт: на сегодняшний день Индия не преодолела кастовую и расовую демаркацию общества. Несмотря на то, что государство борется с этой проблемой, видимых результатов до сих пор нет. В то же время в Конституции 1949 года запрет на убийство коров официально закреплено как руководящий принцип политики страны. Это один из примеров реализации права на свободу вероисповедания в Индии, где, как известно, согласно религиозным убеждениям, корова считается священным животным.

Индийские законы запрещают деяния, направленные на разжигание ненависти по религиозному и этническому признаку против любого «класса людей» – на том основании, что они являются членами религиозной группы, касты или общины. В Индии действует пять уголовных законов, которые предусматривают лишение свободы на срок до 5 лет за умышленное подстрекательство к межобщинной враждебности. Кроме того, существуют различные законы, запрещающие разжигание ненависти при определенных обстоятельствах. Например, государство имеет право запрещать различные организации в интересах предотвращения общественных волнений или поддержания целостности государства (в основном это касается организаций, занимающих экстремистские религиозные позиции), а также подвергать фильмы предварительной цензуре.

Возвращаясь к западным странам, хотелось бы отметить Федеративную Республику Германия отдельно. В конституции Германии, при ближайшем рассмотрении, в статье 4 установлено, что каждый гражданин имеет право на альтернативную гражданскую службу. Это означает, что механизм реализации права на свободу совести в Германии действует по тому же принципу, что и в Австрии. На законодательном уровне санкционировано, что каждый гражданин имеет право, согласно его идеологическим убеждениям, перейти на альтернативную гражданскую службу, представив петицию по этому вопросу компетентному органу. Это очень важное положение для страны, которое является механизмом реализации права на свободу совести.

Конституция Федеративной Республики Германии закрепляет определенные положения о свободе вероисповедания. В частности, граждане могут не только выбирать свою религиозную принадлежность (государство не имеет права навязывать определенную религию), но они также могут выбирать религиозное образование для своих детей. Для этих целей в Германии было создано несколько сотен школ, которые, помимо общего учебного процесса, преподают религиозные основы самых разных религий, которые более всего распространены в Германии. К слову сказать, тем самым учителя этих школ также реализуют своё право на свободу совести и вероисповедания. Несмотря на религиозно ориентированное преподавание, учитель может не принадлежать к религиозной группе, а предметы, которые он ведёт могут носить светский характер. Но это редко, как правило, учителями этих школ являются люди, которые полностью принадлежат к определенной религиозной группе.

В Германии также создана система военно-центрального структурного сотрудничества с церковью. Согласно распоряжению правительства, каждый религиозный деятель, если он пожелает, может пройти военную службу. Это право носит всеобщий характер, и для его наиболее полного осуществления существует специальная военизированная церковная структура, где религиозные люди, помимо военной службы, могут вести привычный в религиозном плане образ жизни, в том числе, держать пост, отправлять ритуалы, посещать вечернее и утреннее богослужения и т.д. В то же время армия никоим образом не ограничивает религиозные группы, напротив, она создает условия для равенства всех интересов граждан на военной службе.

Таким образом, можно сказать, что в Германии большое внимание уделяется внедрению механизма гарантирования прав на свободу совести и

вероисповедания, закрепленных в конституции страны.

В группу стран с наименьшей степенью централизации, конституции которых содержат только перечень вопросов, относящихся к исключительной компетенции федерации, входят США, Мексика, Бразилия, Швейцария, Австралия и другие.

Если говорить о Бразилии, то здесь закрепляется право на альтернативную службу не только за определенной группой, а за любым гражданином, который призывается на военную службу, пройти альтернативную гражданскую службу из религиозно-этических, политических, идеологических взглядов³².

Очень важно более подробно рассмотреть практику в этой области, складывающуюся в Соединенных Штатах Америки, поскольку эта страна традиционно отличается наибольшей степенью отделения религии от государства, именно поэтому либерально настроенные исследователи и общественные деятели постоянно обращаются к американскому опыту.

Как известно, поправка I к Конституции США гласит: «Конгресс не может устанавливать религию или запрещать ее свободное передвижение». Свобода вероисповедания была важна сначала для колоний, а затем для государства в целом. Эта ценность отражена в её Хартии прав: во-первых, в первой поправке, как и говорилось ранее. Поправка гарантирует свободу вероисповедания с двумя оговорками. Первый параграф о доминирующей религии, который запрещает создание официальной религии, а второй параграф о религиозной свободе предупреждает правительство о вмешательстве в религиозную практику. Вместе они гарантируют, что правительство не может продвигать или подавлять религиозные убеждения или обычаи.

Как отмечают американские исследователи, С. Ян, Дж. Берри и Джордж. Гольдман: «Сочетание государственных и религиозных институтов в Америке имеет долгую историю». Большинство американских колоний исповедовали доминирующую религию накануне независимости. В 1789 году несколько государственных конституций объединили церковь и государство. Делавэр, например, заставил своих граждан принять учение о Троице; четыре государства (Коннектикут, Массачусетс, Нью-Гемпшир и Южная Каролина) подали заявку на протестантизм. Многие американцы, особенно в Новой Англии, разделяют мнение, что государство может и должно поддерживать религию и, конечно, протестантизм в частности. Еще

³² Рыжов Л.Г. Военно-религиозные службы за рубежом // В кн. Мировой опыт государственно-церковных отношений. – М., 1998. – С. 283–301.

больше американцев согласились с тем, что это спорный вопрос и что национальное правительство не имеет полномочий вмешиваться в конфессии. Правила религии были сохранены в том же стиле³³.

Как и многие другие конституционные положения, Верховный суд США не дал окончательное толкование пунктов, касающихся религии. Результатом этого сбой является сложная комбинация правил. Свобода веры не ограничена, но свобода исповедовать религию имеет свои пределы. Церковь не может напрямую извлекать выгоду из действий правительства (например, жертвования средств храмам или синагогам), но она может извлекать косвенные выгоды из других действий (например, покупая книги на религиозные темы для использования во всех школах).

Большинство американцев отождествляют себя с определенными религиозными убеждениями. Америка занимает первое место среди одиннадцати наиболее промышленно развитых стран по количеству граждан, которые считают, что религия играет важную роль в их жизни. По общему мнению, государство должно поддерживать религию - если не все, то наиболее распространенные. Верховный суд США отклонил такое толкование запрета на введение официальной религии, позволив себе обратить внимание на потенциальные издержки демократии.

Эти издержки могут соответствовать пожеланиям представителей «демократии большинства», но свобода меньшинств защищена судом, который имеет право попасть в категорию других ценностей. Ведущий А.Цветков выразил аналогичную идею на «Радио «Свобода» о текущей религиозной ситуации в США: «Законное меньшинство имеет право жить без страха тирании большинства, и эта идея важнее любой демократии». Мысль, которая поддерживает тезис о том, что либерализм рассматривает права меньшинств как приоритет - в отличие от, казалось бы, основных демократических ценностей.

Здесь следует сказать несколько слов об известной американской доктрине «стены», разделяющей церковь и государство. В 1879 году Верховный суд заявил, по словам Томаса Джефферсона, что положение, запрещающее введение официальной религии, строит «стену, отделяющую церковь от государства». В 1947–1968 годах эта «стена» была слегка «повреждена», например, в 1947 году суды не аннулировали решения местных властей, согласно которым за государственный счёт ученики

³³ Белявский Д.С. Оптимизация международно-правового сотрудничества по обеспечению социальной исполнимости права на свободу совести / В сб. Право и закон в гражданском обществе и государстве: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Россия, Москва, 19 мая 2006 г. – М.: Изд-во Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, 2006.

приходской школы могли выезжать на место учебы.

Большинство государств проводят достаточно активную политику в духовной сфере и, так или иначе, взаимодействуют с религиозными объединениями. Даже в странах, которые поставили перед собой цель построить «стену» между религиозными объединениями и государством, подобным Соединенным Штатам, этот процесс является неоднозначным, и, прежде всего, в разные исторические моменты Верховный суд Соединенных Штатов часто толковал те же положения Первой поправки к Конституции с точностью до наоборот. Это говорит о том, что «раз и навсегда» в государственно-конфессиональных отношениях такого толкования понятия «секуляризм» не существует.

Как справедливо отмечает Н. Серова, «отцы-основатели американской государственности, которые создали все эти формулировки, искали и находили ответы на весьма специфические проблемы своего времени в весьма специфических исторических условиях». Однако такие попытки заслуживают внимания, и этот опыт следует перенять. В частности, многие вопросы, связанные с практикой свободы совести в России, могли бы быть разъяснены, если бы Конституционный Суд Российской Федерации интерпретировал статью 14 Федеральной конституции, обеспечивающей светский характер государства российского.

Другая проблема заключается в различии деноминационной политики отдельных субъектов Федерации, деятельность которых может быть соотнесена с федеральным законодательством различными способами. Эта проблема, как мы видели, специфична даже для такого государства, как США.

В этой работе мы рассмотрим наиболее важные аспекты такого правового института, такие как право на свободу совести и религии, чтобы определить плюсы и минусы, а также пути устранения существующих недостатков. С древних времен история нашего государства отводила этим учреждениям особое место - совесть и религия. Такие институты являются своего рода связующим звеном, объединяющим все народы Российской Федерации. Именно с их помощью люди могли собраться вокруг них, объединенные идеей, которая помогла им достичь своих целей вместе. Конституция Российской Федерации в соответствии со статьёй 28 гарантирует каждому свободу религии и совести.

Эти свободы основаны на том принципе, что никакая религия не может быть навязана и признана обязательной или государственной. Религиозные объединения равны перед законом и отделены от самого

государства, и у них есть такие характеристики, как, например, выполнение богослужений, церемоний и других религиозных обрядов. Такие ассоциации должны создаваться в форме религиозных организаций или религиозных групп. Законодатель запрещает создание таких объединений в органах местного самоуправления, государственных органах и других государственных учреждениях, а также в воинских частях.

Кроме того, не запрещено выделять места на территории этих образований с целью создания религиозного объединения. Закон определяет, что религиозная организация - это добровольное объединение граждан Российской Федерации или других лиц, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, которое создано для общего распространения и практики веры. Ассоциация должна быть зарегистрирована как юридическое лицо, и ее название должно содержать информацию о ее религии.

Следует отметить, что религиозная организация, чьи подразделения официально существуют на территории Российской Федерации не менее 50 лет, имеет право использовать название «Россия» и ее производные. Федеральный закон закрепил это положение, подтвердив приоритетность традиционных религиозных верований для нашей страны.

Понятие религиозной группы определяется законодателями как добровольное объединение граждан, созданное для общей практики и распространения веры. В то же время она работает без государственной регистрации, а это означает, что у государства значительно сужаются полномочия относительно управления конфессиональными отношениями, влияя на ту ли иную религиозную организацию.

Обращаем ваше внимание, что религиозная организация в Российской Федерации имеет право иметь представительство религиозной иностранной организации. Представительство не имеет статуса религиозного объединения, созданного в соответствии с законодательством Российской Федерации о религиозных организациях. Допускается приостановление деятельности религиозного объединения, роспуск религиозной организации и запрещение деятельности религиозного объединения в случае нарушения закона. Очень важно отметить, что сегодня не существует правовых определений свободы религии и совести, как в законодательстве Российской Федерации, так и в зарубежном законодательстве.

Мы полагаем, что законодательная деятельность не разделяет их на нормативные акты, поскольку представленные категории носят скорее

философский характер, чем юридический по своему характеру. Такой подход создаст трудности для законодателя и не позволит установить реальную интерпретацию этих институтов. Считаю важным законодательно закрепить эти определения. Представленные институты имеют большое количество преимуществ, но не стоит забывать и о недостатках. Существенным преимуществом является законодательное закрепление в Конституции Российской Федерации, которая предлагает гражданам определенные гарантии, предоставляемые государством. Это также позволяет продуктивной деятельности в этом направлении. Кроме того, проводится детальное изучение этих свобод на региональном и даже федеральном уровнях. Например, это может быть закон «О свободе совести и религии» в конкретной республике. Представленные два преимущества считаются основными для других позитивов. В то же время стоит остановиться на довольно существенных проблемах. Одной из таких проблем является невозможность регулирования законодателем или низкое качество его регулирования³⁴.

Это потому, что любое религиозное учение хочет представить свое видение единственно верным. Такой подход приводит к конфликтам с другими ассоциациями. И сегодня принятие компромиссных решений между этими объединениями значительно активизировалось, но трудности остаются. Законодатель допускает недостаточное регулирование гражданско-правовых отношений этих объединений, что подразумевает невозможность, например, контроля коммерческой деятельности организации, установленного учёта получения финансирования и его распределения и т.д.

Средства массовой информации Российской Федерации, со своей стороны, проводят акции с возможными негативными последствиями, например, транслируют программы по центральному телевидению одного религиозного учреждения, не предоставляя при этом дальнейшего доступа к информации различных религиозных учреждений. Как видите, есть некоторые проблемы. Проанализировав вышеуказанные позиции, мы можем смело подчеркнуть необходимость законодательного закрепления государством определения свободы вероисповедания и свободы совести. Эти определения могут быть включены в федеральный закон о свободе совести и религиозных объединениях³⁵.

³⁴ Троицкий В.С. О некоторых вопросах эволюции становления религиозной свободы в христианской культуре Западной Европы // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – №3. – С. 31.

³⁵ Минченко Т.П. Европейская концепция религиозной свободы и свободы совести: идеологические источники и законодательное закрепление // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №333. – С. 37.

В то же время мы считаем, что для повышения качества и уровня деятельности государственных организаций необходимо ограничить их взаимодействие с религиозными организациями. Со стороны законодателя, такая мера может повысить уровень светского образования и осуществления государственной власти. Мы также считаем, что не будет лишним усилить контроль над деятельностью средств массовой информации и сделать это, чтобы повысить точность и надежность информации и обеспечить доступ различных религиозных организаций ко всем средствам массовой информации.

Кроме того, такие меры будут способствовать более открытому и тесному взаимодействию между конфессиями и государством как между собой, так и установлению тесных отношений между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами. Реализация возможности восполнения описанного пробела в законодательстве и порядка его реализации позволит не только улучшить регулирование в этой сфере законодателем, но и улучшить качество жизни граждан Российской Федерации.

Международная защита прав человека на свободу совести и религии. Характер взаимоотношений между религией и государством на различных этапах общественного развития был неоднозначным и часто становился предметом острых споров и дискуссий. Исторические данные свидетельствуют о дифференцированных подходах и взглядах как в общественной, так и в политико-правовой мысли относительно линий соприкосновения этих двух институтов. Некоторые авторы утверждают, что сфера религии – внутренняя духовная составляющая человека, и ей нет места в политике. Другие полагают, что религиозные принципы должны быть основой для стабильности государства³⁶.

«Первооткрывателем» процесса разделения государства и религии часто называют Соединенные Штаты Америки. Первая поправка к Конституции США запрещала установление религии по закону. В самой Конституции нет положения об отделении Церкви от государства, и поэтому ряд комментаторов считают, что именно запрет на установление религии выполняет эту функцию. Первый шаг был сделан в Декларации прав человека и гражданина 1789 года, в которой провозглашалось, что «никто не может быть принужден к выражению своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает установленного законом

³⁶ Демченко О.Н., Демченко И.В. Основы религиозной политики государства в современной России // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №2. – С. 155-156.

общественного порядка» (статья 10).

Дальнейшее развитие событий определялось не только принципами защиты свободы совести, но и политическими интересами государства. Переворот 9 термидора положил конец официальной религии якобинцев. После этого Конвенция провозглашает отделение культов от государства. Указ 9 Вантора III провозглашал свободу и неприкосновенность любого культа. Последующее отделение Церкви от государства ведет к установлению религиозной свободы. Логическим завершением стал закон от 9 декабря 1965 года, который отделил католицизм, протестантизм и иудаизм от государства и тем самым установил равенство всех религий перед властью, гарантированное нейтралитетом государства.

Показательна позиция Римско-Католической Церкви перед Вторым Ватиканским собором. Папские энциклики XIX в, Григорий XVI (1831) и Пий IX (1864) признают ошибочным и бессмысленным мнение о том, что «каждый имеет право на свободу совести и вероисповедания, и это право должно торжественно провозглашаться в каждом благоустроенном общественном государстве». Фундаментальный сдвиг произошел на II Ватиканском соборе (1962-1965)³⁷. Была принята Декларация о свободе вероисповедания, признающая право каждого человека на свободный выбор религии. Формы государственно-религиозных отношений в современном мире многообразны. Однако социальные принципы политики в конфессиональной сфере, сложившиеся в демократических и правовых государствах, получили широкое признание. К ним относятся свобода вероисповедания и совести, терпимость и нейтралитет со стороны государства, равенство и недопустимость дискриминации по признаку религиозных убеждений. Эти принципы провозглашаются в качестве требований международного права.

В 1981 году ООН приняла Декларацию о ликвидации дискриминации по признаку религии и убеждений. Однако это заявление не является обязательным. В 1993 году Комиссия ООН по правам человека подготовила комментарий к статье 18 Всеобщей Декларации прав человека от 1448 года, в котором подчеркивалось, что новизна религии или узкий круг ее сторонников не могут быть основанием для дискриминации.

Таким образом, законодатель, закрепив право на свободу совести, де-юре разрешил всем гражданам иметь права на религиозные и атеистические убеждения, а де-факто возобладали идеи воинствующего атеизма. К концу 1980-х годов ситуация начала меняться в лучшую сторону,

³⁷ Каврига Д.Н. Концепция «Ecclesia Sui Iuris» в документах II Ватиканского собора // Труды Минской духовной академии. – 2020. – №17. – С. 192.

и цивилизованное отношение к Церкви стало частью демократических реформ. Важное значение имело принятие 25 октября 1990 года Закона РСФСР «О свободе вероисповедания». Закон рассматривает в качестве одной из основных гарантий свободы вероисповедания законодательство, обеспечивающее реализацию свободы вероисповедания и установление ответственности за её нарушение.

Распад советской системы строительства и перестройка государстве привели к пересмотру многих ценностей, в том числе и в отношении религиозной жизни населения, и предпосылкой таких изменений стало утверждение одной из основ конституционного строя нового государства – идеологического многообразия, политического плюрализма. Существенным элементом направления современной государственно-конфессиональной политики стало закрепление в национальном законодательстве права на свободу совести и вероисповедания. Это как возможность для человека выразить свое отношение, будь то не только негативное (как поощрялось в советском прошлом), но и позитивное, к религиозной культуре.

Конституции Российской Федерации 1993 года фиксируется, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (статья 28). Эта формулировка повторяет подходы, изложенные в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года. В нём признается право на свободу мысли, религии и свободу выражения мнений. Но в Конституции России указано не только на атеистические убеждения, но и на атеистическую пропаганду («распространять религиозные и иные убеждения»). Каждому гарантируется свобода религиозной или атеистической деятельности.

Таким образом, на конституционном уровне свобода совести формально ассоциируется со свободой религии, но не отождествляется с ней, как это было раньше. В первой главе также указывается, что это два самостоятельных понятия, каждое из которых имеет свое юридическое содержание и смысл.

Но детальный анализ этой статьи Конституции Российской Федерации показывает, что свобода совести и свобода вероисповедания составляют единое понятие и единый правовой институт. К этому правовому институту следует отнести и нормы, содержащиеся в ряде других статей Конституции России, гарантирующих свободу совести и вероисповедания. Это норма,

закрепляющая принцип идеологического многообразия (статья 13), светский характер государства и запрет на установление государственной или обязательной религии (часть 1 статьи 14), отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом (ч. 2 статья 14), равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо от религии и убеждений, и запрещение всех форм ограничения прав человека на основе религии (статья 19), запрещение пропаганды или агитации, поощряющей религиозную ненависть и вражду, запрет пропаганды религиозного превосходства (статья 29), право гражданина в случае, если его убеждения или убеждения противоречат военной службе заменить ее альтернативной гражданской службой (часть 3, статья 59), ч. 2 статье 17 определяет, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения; это распространяется и на религиозные свободы и права. Согласно статье 18, права и свободы человека и гражданина непосредственно применимы, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательных и исполнительных органов власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Иными словами, все нормы права и действия органов государственной власти должны учитывать интересы представителей конфессий и верующих. Право на свободу и личную неприкосновенность, определенное в статье 22 Конституции РФ, означает также невозможность задержания лица по принципу исповедания определенной религии, если при этом не нарушаются законы государства. Таким образом, на сегодняшний день в России созданы необходимые конституционно-правовые предпосылки, способствующие реализации каждым человеком (верующим или неверующим) своего права на свободу совести и вероисповедания.

Право на свободу совести и вероисповедания также упоминается в конституциях (уставах) регионов нашего государства. Например, статья 25 Конституции Республики Тыва, статья 29 Конституции Республики Коми, пункт 7 Закона Челябинской области «Устав (Основной закон) Челябинской области», Статья 13 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и др. К мероприятиям по распространению, помимо проведения религиозных и иных религиозных обрядов, относятся: распространение религиозных и иных убеждений непосредственно или через средства массовой информации (различные статьи в газетах или периодических изданиях, радио, телевидение и др.), деятельность миссионеров, социальное служение в делах милосердия и благотворительности, религиозное обучение и воспитание молодежи (воскресная школа, богословские

факультеты при университетах и др.), самоотверженной деятельности (монастыри, скиты и т.), паломничества к святыням и другие мероприятия, трактуемые соответствующим вероучением. Эти права раскрывают основные принципы взаимоотношений государства и личности. Учитывая современный подход к правам человека, в правовые акты необходимо добавить и обязанности государства по отношению к личности, т. е. право на свободу совести и вероисповедания должно соответствовать определенным обязанностям государства по обеспечению прав, содержащихся в правовом статусе личности. В противном случае права и свободы являются декларативными и пустыми.

Необходимо подчеркнуть одно существенное условие правоохранительной деятельности: права и свободы, указанные в статье 28 Конституции Российской Федерации (свобода совести и вероисповедания), не может быть ограничена даже в чрезвычайной ситуации.

Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-Ф подробно регламентирует понятия свободы совести и вероисповедания. В преамбуле закона заявлено важное политическое и конституционно-правовое значение: «Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания и равенство перед законом независимо от вероисповедания и убеждений, исходя из того, что Россия является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, Иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать взаимопониманию, терпимости и уважению в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон». Эти религии не имеют никаких преимуществ и приоритетов, в том числе в области права, перед другими религиями.

Таким образом, в преамбуле признается особая роль православия и выражается уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, которые являются неотъемлемой частью исторического наследия народов России. Некоторые авторы и политики считают, что этот закон допускает дискриминацию, а именно ставит православие в особое положение; кроме того, он допускает перечисленные конфессии и не заинтересован в существовании других религий в России. На самом деле православие, конечно, является ведущей религией в России, но это связано

с историей страны, становлением государственности в России и большим населением нашей Родины, исповедующим эту религию. Однако содержание закона предполагает, что все зарегистрированные религиозные организации находятся в равном правовом положении³⁸.

Закон 1997 года в развитие конституционных норм гарантирует право на свободу совести и свободу вероисповедания не только гражданам Российской Федерации, но и иностранным гражданам и лицам без гражданства. Исходя из требований международных пактов о правах человека и гражданина, право на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено Федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В этом правовом акте подробно определены гарантии свободы вероисповедания, и запрещается принуждать людей сообщать о своем отношении к религии. Такой запрет не оставляет оснований для дискриминации или негативного отношения по причине принадлежности человека к определенной религии. Признание тайны исповеди имело важное значение в принятом документе, в котором говорится, что ни при каких обстоятельствах нельзя требовать от священника сведений, ставших ему известными на исповеди. Гражданин РФ имеет право заменить военную службу альтернативной гражданской, если она противоречит его убеждениям или религии.

Это право предоставляется не только верующим (часть 3 статьи 59 Конституции Российской Федерации, пункт 4 статьи 3 Закона «О свободе совести»). Предусмотренных пунктом 7 статьи 4 Закона «О свободе совести» для органов государственной власти возможность объявления дней религиозных праздников дополнительными нерабочими (праздничными) днями может быть предусмотрена с дополнительным указанием на возможность обращения верующего с просьбой о замене для него одного праздника другим рабочим днем.

Закон «О свободе совести» запрещает предоставление преимуществ, любые ограничения и другие формы дискриминации в зависимости от отношения к религии. Граждане Российской Федерации равны перед законом во всех сферах гражданской, политической, экономической,

³⁸ Иванов Д.В. Административные риски при реализации конституционной свободы вероисповедания. Рецензия на монографию Андреева К.М. «Право верить в современной России (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания)» // Юридический мир. – 2021. – № 8. – С. 62.

социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Гражданину Российской Федерации, если его убеждения или вероисповедание противоречат несению военной службы, предоставляется право заменить ее альтернативной гражданской службой. По просьбе религиозных организаций Президент Российской Федерации постановил освободить священнослужителей от воинской обязанности в соответствии с законодательством о воинской обязанности и военной службе и возможностью предоставления отсрочки от призыва в мирное время.

Никто не может быть принужден определять свое отношение к религии, убеждениям или не исповедовать религию, к участию или неучастию в деятельности религиозных организаций, богослужению и других религиозных таинствах и обрядах, к изучению религии, а сообщение о своем отношении к вере не является обязанностью. Закон запрещает вовлечение несовершеннолетних в религиозные объединения и преподавание им религии без согласия родителей или лиц, их заменяющих, а также против их собственной воли.

Создание препятствий для осуществления права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе связанных с насилием в отношении личности, с умышленным оскорблением религиозных чувств граждан, с пропагандой религиозного или атеистического превосходства, причинением имущественного ущерба преследуется по закону. Надзор за исполнением законодательства Российской Федерации «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных объединениях» возложен на прокуратуру Российской Федерации. Нарушение законодательства Российской Федерации «О свободе совести и свободе вероисповедания» влечет за собой уголовную, административную и иную ответственность. Согласно уголовному законодательству, незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов карается штрафом в размере до 80 тысяч рублей, либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

Жертвами преступлений могут быть лица, исповедующие религию или являющиеся членами религиозного объединения. Объективная сторона преступления выражается в активных действиях, направленных на незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций

или религиозных обрядов³⁹.

Это может выражаться в незаконном закрытии церкви или иного религиозного учреждения, срыве регулярного богослужения, запрете проведения религиозного обряда и др. Согласно административному законодательству воспрепятствование реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятие религиозных или иных убеждений или отказ от них, вступление в религиозное объединение или выход из него, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 100 до 300 рублей; на должностных лиц - от 300 до 800 рублей.

Оскорбление религиозных чувств граждан или осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем идеологической символики влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 500 до 1 тыс. рублей.

В России также защищаются права осужденных на свободу совести и вероисповедания. В частности, в статье 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации "обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных" указывается, что "осужденным гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания. Они имеют право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно иметь, выбирать и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. Осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания является исключительно добровольным, но при этом не должны нарушаться права других лиц, а также правила внутреннего режима учреждения, исполняющего наказание, осужденным к ограничению свободы может быть предоставлено разрешение на посещение мест отправления культа, расположенных за пределами исправительных учреждений, по их просьбе. В места лишения свободы осужденные и арестованные по своему выбору могут пригласить любого священнослужителя, принадлежащего к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям.

В учреждениях, исполняющих наказания, осужденным разрешается совершать религиозные обряды, пользоваться предметами культа и религиозной литературой.

Федеральный закон от 25 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» касается свободы совести и вероисповедания

³⁹ Рябцев Н.И. Государственно-конфессиональные отношения как предмет административно-правовых отношений: проблемы и пути решения / В сб. Проблемы совершенствования российского законодательства. сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. – Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2021. – С. 162-163.

военнослужащих. В частности, статья 8 гласит: «Военнослужащие в свободное от военной службы время имеют право участвовать в богослужениях и религиозных церемониях в качестве частных лиц. Военнослужащие не имеют права отказываться от прохождения военной службы по религиозным мотивам и использовать свои полномочия для пропаганды той или иной религии».

Поскольку Российская Федерация является светским государством, никакая религия не может быть установлена в качестве государственной или обязательной религии. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Одним из основных международных актов в этой области является Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятая резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25.11.1981 года. Статья 6 декларации закрепила основное содержание свободы совести и вероисповедания. В статье 2 настоящего документа говорится, что «нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений означают любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях, которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на равной основе прав человека и основных свобод».

В Международном пакте о гражданских и политических правах свобода совести и религии сочетается со свободой мысли, включая «свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию или убеждения самостоятельно или совместно с другими, публично или в частном порядке, в богослужении, в исполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Никто не должен подвергаться принуждению, ограничивающему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору» (статья 18).

Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» в основном соответствует международно-правовым обязательствам России как государства-участника Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите основных прав и свобод человека. Преамбула закона (пункты 1 - 3), как и статьи 28, 19 (Часть 2) и 29 (Часть 2) Конституции Российской Федерации, подтверждает право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений.

Таким образом, в структуре правового института свободы совести и

вероисповедания можно выделить международно-правовые нормы, конституционные нормы, нормы Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», нормы других федеральных законов и иные нормы правовых актов Российской Федерации, гарантирующие каждому право на свободу вероисповедания.

Анализ существующих проблем, связанных с обеспечением права на свободу совести и вероисповедания. Проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания людей и граждан выходят далеко за рамки религиозной жизни. Они регулируются нормами международного и российского законодательства. Поэтому они являются одной из важнейших проблем на современном этапе развития России⁴⁰.

При реализации законов, гарантирующих свободу совести и вероисповедания в Российской Федерации, они основаны на основных законах, которые гарантируют основные права и свободы человека, которые касаются его в основном. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). В соответствии со статьей 18 Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 года: «Каждый человек должен пользоваться всеми правами и свободами, изложенными в настоящей Декларации, без каких-либо различий, таких как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политическое право и т. д. или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественный статус, рождение или иное положение». Нормы российского права, регулирующие деятельность религиозных объединений, содержатся в различных отраслях права. Конституция Российской Федерации содержит несколько важных положений, касающихся гарантии свободы совести, свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений. Светский характер государства раскрывается со ссылкой на запрет на установление какой-либо религии в качестве государственной или обязательной. Термин «религия» является универсальным, означая сочетание духовных ценностей, убеждений, основанных на их божественном происхождении. В искусстве. 14 Конституции Российской Федерации установлено, что: «1. Российская Федерация является светским государством. Религия не может быть установлена в качестве обязательного государства или религии. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед

⁴⁰ Хадиков А.К., Гавриков Е.В. Современное конституционно-правовое оформление государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 175-176.

законом».

Толкование второй части статьи противоречиво в отношении понимания равенства перед законом, поскольку полное равенство отношений между государством и всеми конфессиями не мешает сотрудничеству между церковью и государством. Религиозные объединения проводятся более или менее интенсивно, и законодательство одинаково для всех. Нет однозначного толкования этого положения Конституции. Статья 19 Конституции Российской Федерации содержит антидискриминационные положения, гарантирующие равенство граждан: «2. Государство гарантирует равные права и свободы человека и гражданина без различия религии или убеждений. Любая форма ограничения запрещена. Права граждан на основе религиозной принадлежности».

Основное содержание понятий «свобода совести», «свобода религии» раскрывается в статье 28: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода религии, включая право исповедовать индивидуально или совместно с любым другим религии или нет исповедовать любую, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и другие убеждения и действовать в соответствии с ними». В данной области содержатся важные аспекты гражданских свобод, а также ограничения права на свободу слова, препятствующие его реализации: «1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. 2. Пропаганда или агитация не допускаются. Разжигает социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда религиозного превосходства. 3. Никто не может быть принужден к выражению своих мыслей или убеждений или отказу от них».

Основой всех прав и свобод в религиозной жизни является свобода совести и свобода вероисповедания. Свобода совести является одним из важнейших конституционных прав граждан; это выбор: быть или не быть, считать или не считать себя религиозным. Религиозная свобода - это способность человека выбирать, к какому религиозному направлению принадлежать и в какой форме осуществлять свою религиозность. Свобода совести должна пониматься как право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать ее, а также свободно выражать свои убеждения. В самом феномене «свободы совести» существует противоречие между личным и коллективным аспектами. Будучи правовой и этической нормой в гражданском обществе, свобода совести призвана уважать интересы человека, то есть гарантировать право верить во что угодно, поклоняться объекту его веры, присоединяться к единоверцам в

организации и распространять свою веру⁴¹.

Поскольку религиозная мысль трансформируется из личного размышления во взаимодействие с другими, проблема права на свободу совести раскрывает свою вторую социальную сторону. Ассоциация единомышленников - это организация, социальный организм с целями, потребностями, конкретными способами взаимодействия с правительством, другими ассоциациями и гражданами. Этот аспект свободы совести может привести к несоответствию правовых и моральных норм общества и религиозной группы с последующим ограничением свободы.

Это относится не ко всем религиозным объединениям, а только к тем, которые представляют реальную угрозу развитию гражданского общества и национальной безопасности. Это также относится к религиозным объединениям, которые имеют характер деструктивных культов. Понятие «разрушительный религиозный союз» отсутствует в международном и национальном законодательстве. Тем не менее, он содержит руководящие принципы для уточнения терминологии в национальном законодательстве. Использование этого термина в СМИ часто приводит к жалобам. В статье 28 Конституции провозглашается свобода совести и религии - ключевые категории, лежащие в основе правоохранительной деятельности. Представители ряда религиозных объединений часто ссылаются на эти конституционные права, когда возбуждаются соответствующие гражданские, административные или уголовные дела за нарушения законодательства о деятельности религиозных организаций. В некоторых случаях инициаторы судебного разбирательства сами являются представителями религиозных объединений (например, когда они публикуют материалы, которые освещают их деятельность с критической точки зрения или запрещают их деятельность). По этой причине оценка экспертов и судебных органов при определении пределов прав на совесть и религию является наиболее трудным ограничением и запретом на функционирование религиозных организаций.

Наибольший объем нормативного регулирования деятельности религиозных организаций в национальном законодательстве содержится в Федеральном законе о свободе совести и религиозных общинах от 26 сентября 1997 года. Закон также не использует категорию «разрушительные религиозные объединения». Однако, по сравнению с другими правовыми

⁴¹ Шиманская О.К. Свобода религии или убеждений и безопасность: новые вызовы и рекомендации ОБСЕ / В сб. Религиозная ситуация в российских регионах: Тезисы докладов и сообщений Седьмой всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Омская академия МВД РК, 2020.

актами, юридически значимые признаки для идентификации конкретной ассоциации граждан описаны как религиозные.

Как отмечалось выше, ни в международном, ни в национальном законодательстве не используется понятие «деструктивные религиозные отношения», «религиозные объединения с деструктивной ориентацией», и поэтому этот термин не юридический, а коллективный, состоящий из правовых и нелегальных понятий. Это явление приводит к «размыванию» понятий и оказывает негативное влияние на прозрачность демаркации связанных, но принципиально разных терминов. В правовой, религиозной, криминологической и социологической литературе некоторые официальные источники отмечают сочетание юридических и незаконных формул.

Другим термином, встречающимся не только в религиозных исследованиях, но и в юридической литературе, является «секта», «тоталитарная секта». В религиозных исследованиях термин «секта» используется для обозначения религиозной группы, которая отделилась от основной религиозной деноминации. Люди, которые ищут духовности в своей жизни, попадают в культ. Современный рост религиозности имеет тревожную статистику, поскольку число верующих увеличивается не только из-за естественной потребности в свободном духовном самоопределении, но также и для духовного расширения тоталитарных сект, которые стремятся заменить мировые религии агрессивной практикой вторжения в психику⁴².

Термин «секта» сам по себе не является юридическим термином, поэтому понятие «религиозное объединение» или «религиозная группа» используется в законе. Нормативные документы не предусматривают эту категорию, и специалисты по религиоведению утверждают, что такой термин не может существовать в юридическом лексиконе, поскольку он имеет значение и богословское происхождение. В педагогических и методологических целях можно использовать термины «секта» и «разрушительное религиозное объединение», поскольку они не являются законными, но отражают сущность этих организаций. В статье этот термин используют авторы со ссылками на источники. При выявлении проблем в применении законодательства Российской Федерации, направленного на гарантирование свободы совести и вероисповедания, необходимо учитывать особенности деятельности отдельных религиозных организаций,

⁴² Астахова Л.С., Токранов А.В. Деструктивность в религиозном поведении: к вопросу о методологии изучения новых религиозных движений // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – № 5. – С. 23-32.

определяющие деструктивный характер их деятельности.

Эти особенности характерны не для всех новых религиозных объединений, а только для тех, которые по объективным причинам попадают в поле зрения правоохранительных органов. Такие культы не только разрушают естественное состояние индивида: духовное, психическое и физическое, которое можно определить как полную деструктивность индивида (внутренняя деструктивность), но и посягают на традиционные ценности и нормы, сложившиеся социальные структуры, культуру, религии, порядка и общества в целом (что является негативной силой внешней деструктивности)⁴³.

Разрушительность культов проявляется и в сфере морально и юридически регулируемых отношений. А.И. Хвыля-Олинтер выделяет следующие негативные черты, стимулирующие криминальный характер деструктивных религиозных организаций в России:

1. отсутствие внутренних ограничений;
2. стремление к мировому господству;
3. агрессивное поведение;
4. неоправданность в методах достижения цели;
5. желание создать свой якобы идеальный, позитивный внешний образ среди дезориентированного человека в его социальных волнениях;
6. борьба с традиционными, творческими религиями и традиционной этнической культурой;
7. общественная враждебность как таковая;
8. размышления о науке, разуме и здравом смысле⁴⁴.

Появление новой религиозности в России связано с тем, что в прошлом веке политика государственного подавления религии проводилась в течение нескольких десятилетий. Когда российское государство отказалось от официального атеизма в 1980-х годах, произошел переход к другой крайней и абсолютной религиозной свободе. Человек может верить во что угодно, совершать любые религиозные обряды, если это не мешает законным интересам, правам и свободам других людей или групп.

Государство обязано согласовывать интересы различных религиозных групп для защиты интересов страны и общества. В 1990 году был принят Закон РСФСР от 25 октября 1990 года № 261-1 «О свободе

⁴³ Сушко В.В. Новые религиозные движения на постсоветском пространстве: особенности распространения и влияния на государственно-религиозные взаимоотношения / В сб. Конфессиональная политика в России в Новое и Новейшее время. материалы международной научной заочной конференции. – Москва: МПГУ, 2021. – С. 249.

⁴⁴ Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозные основания национальной безопасности России. – М.: Академия управления МВД РФ, 2012.

вероисповедания», направленный на регулирование отношений между многочисленными религиозными организациями и государством в новых исторических условиях России. Закон значительно расширил возможности граждан по удовлетворению их религиозных потребностей.

Принцип свободы совести включает в себя право каждого гражданина свободно выбирать, исповедовать и распространять любую религию или не исповедовать ее и действовать в соответствии со своими убеждениями в соответствии с законодательством государства. Были указаны гарантии свободы вероисповедания, среди которых были названы отделение религиозных и атеистических объединений от государства⁴⁵. Впервые в истории России было объявлено равенство всех идеологических сил перед законом и незаконность монополии любой идеологической организации в духовной жизни страны (в том числе в сфере образования).

Реального государственного контроля над деятельностью религиозных организаций практически не осуществлялось. Это обстоятельство подготовило почву для конфликтов из-за неконтролируемой деятельности нерелигиозных организаций. Кроме того, практика регистрации религиозных организаций была неадекватной Закону 1990 года (например, были зарегистрированы не сами организации, а их записи, и не было четкого определения религиозной организации). Закон от 1990 г. не предусматривал регулирование, создание и деятельность российских и зарубежных религиозных организаций, а правила их ответственности за несоблюдение закона были неясны. Это привело к росту неконтролируемой религиозности.

Естественно, возникла необходимость разработки и принятия нового закона о регулировании религиозной деятельности в стране. В 1997 году 26 сентября 1997 года был принят Федеральный закон № 125-З о свободе совести и религиозных объединениях, подтверждающий неприкосновенность конституционного принципа свободы совести. Преамбула говорит о признании «особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры», в отношении христианства, ислама, буддизма Иудаизм и другие религии, которые являются неотъемлемой частью исторического развития народов России».

Кроме того, упоминание об особой роли нескольких религий не дискриминирует другие религиозные организации, поскольку закон сохранил равенство всех верующих в отношении их гражданских

⁴⁵ Костина Н.Б. Религиозная общность: проблемы социологического исследования. – Екатеринбург: издательство УрГППУ, 2016. – С. 124.

обязанностей и прав. Ограничения, закрепленные в Законе 1997 года, в основном связаны с деятельностью оппозиционных религиозных объединений, но не связаны со свободой вероисповедания. Они требуют соблюдения гражданских законов Российской Федерации и прав человека в сфере религиозных отношений. Он предусматривает разделение религиозных объединений на группы и организации, деятельность которых не должна нарушать закон. Однако Федеральный закон 1997 года не дал четкого определения религиозной организации и не определил критерии для такой организации. В этом отношении религиозные объединения, которым отказано в регистрации, имеют возможность практически полностью «потерять» контроль над своей деятельностью.

Современные нерелигиозные организации более гибки, чем «старые» религии, чтобы адаптироваться к изменяющемуся правовому порядку: если организация не получает правового религиозного статуса, она не теряет права на получение государственной регистрации в качестве общественной организации определенного профиля (например, экологические, медицинские и т. д.). Современное демократическое правопорядок вытекает из того факта, что религиозные организации (любого рода) существуют в данном правовом поле и обязаны соблюдать действующие законы.

Члены «желательных» и «нежелательных» церковных или религиозных организаций являются в основном гражданами своего государства. Все имеют равные гражданские и политические права и обязаны соблюдать общепризнанные нормы права и морали.

Нет необходимости доказывать законность таких правовых ограничений свободы вероисповедания, которые необходимы для поддержания общественной безопасности и общественного порядка, защиты общественного здоровья, нравственности, прав и свобод граждан. Они объективно необходимы для нормального функционирования государства и общества, это не является нарушением конституционных прав граждан. Однако если религиозное объединение вовлекает верующих в свои ряды за мошенничество, навязывает им совершенно несвободный образ жизни, наносит ущерб социальному, психическому или физическому здоровью или проповедует идеи, противоречащие национальному законодательству, государство может ограничить его деятельности. В современной России нерелигиозные объединения часто сталкиваются с проблемой ограничения деятельности, поскольку они представляют собой не что иное, как религиозные образования, способные выражать себя в обществе законными методами: их деятельность может нарушать

моральные нормы, а иногда и право⁴⁶.

Свобода совести не является абсолютной и подлежит правовым ограничениям. Очевидно, что террористическая секта «Аум Синрикё» не имеет права оправдывать террористические акты, которые она совершила, по причине того, что они являются элементом её религиозной деятельности. Дополнительные ограничения свободы совести включают конституционные и уголовные запреты на экстремистскую деятельность, разжигание ненависти и вражды, мошенничество и другие действия, которые иногда совершаются под видом религиозной деятельности, но являются уголовными преступлениями, предусмотренными в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Таким образом, часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации гласит, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, морали, здоровья, прав и законных интересов других лиц и обеспечения основополагающего конституционного и универсального принципа. что в соответствии с законом ограничивает свободу совести, отражено и закреплено в ч. 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, которая предусматривает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно ущемлять права и свободы других лиц.

В соответствии со статьей 5 Федерального Закона «О полиции» полиция осуществляет свою деятельность, уважая и уважая права и свободы отдельных лиц и граждан, а статья 7 указывает на их беспристрастность: полиция защищает права, свободы и законные интересы человека. Человек и гражданин независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и служебного положения, места жительства, религии, убеждений, членства в общественных объединениях и других обстоятельств. Поэтому организация правоохранительных органов должна быть направлена на развитие конструктивного взаимодействия и взаимодействия с населением с религиозными объединениями.

Таким образом, конституционные права, связанные с осуществлением права на свободу совести со стороны сотрудников правоохранительных органов, требуют знания и понимания религиозных

⁴⁶ Давыдова А.А. Направления совершенствования взаимоотношений государства и религиозных организаций / В сб. Модернизационные процессы в современной России: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский дом знаний, 2020. – С. 143-144.

групп, понимания религиозного поведения и этой специфики в их деятельности. С учетом этих требований реализация законодательства, обеспечивающего свободу совести и вероисповедания, как важнейшие конституционные права, будет полностью реализована в современной России.

Деятельность религиозных организаций (объединений) в России в основном регулируется Федеральными законами «О некоммерческих организациях» и «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также подпадает под действие иных законов (Трудового кодекса и т.д.), однако статус священнослужителя четко не определен ни в одном из них, как и понятие религиозная деятельность.

В Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 41-22 от 28.11.2014 священнослужитель назван лицом, которое уполномочено религиозной организацией (объединением) на духовное, проповедническое служение. Статус священнослужителя может более четко определяться в Уставе религиозной организации. Закон «О свободе совести...» выделяет священнослужителей среди прочих работников религиозной организации, устанавливая, что они наравне подлежат социальному обеспечению, социальному страхованию и пенсионному обеспечению (статья 24 Закона «О свободе совести...»).

Обтекаемые формулировки в законе обусловлены конфессиональными особенностями религиозных организаций. Так, некоторые из них считают возможным заключать трудовые договоры со священнослужителями, ставя их в положение наемных работников, а другие организации этого не делают. Для случаев, когда священнослужитель осуществляет деятельность без трудового договора и на него не распространяются соответствующие гарантии, были предусмотрены нормы трудовых правоотношений в религиозных организациях не только в статье 24 Закона «О свободе совести...», но и в других нормативно-правовых актах. Неоформленный священнослужитель получает за свою деятельность деньги не в качестве зарплаты, а в дар, либо как «благотворительную помощь» или «пожертвование». Рекомендации по распределению денежного содержания даны, например, в Положении о материальной и социальной поддержке священнослужителей, церковнослужителей и работников религиозных организаций Русской Православной Церкви, а также членов их семей (принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 года). Денежное содержание облагается НДФЛ по ставке 13 % (поскольку не входит в перечень статьи 217 НК) и страховыми взносами.

В случае возникновения споров по выплате денежного содержания или лишения сана и увольнения, священнослужитель без трудового договора может решить их обратившись только к духовным властям, но не в светские учреждения (Комиссия по трудовым спорам, прокуратура, суд).

Приказом Минздравсоцразвития России от 29.06.2011 г. № 624н «Об утверждении Порядка выдачи листков нетрудоспособности» установлено, что священнослужителям в общем порядке оформляется больничный. При определении статуса священнослужителя также важно отличать религиозную организацию, которая является юрлицом, от религиозной группы (см. статью 7 Закона «О свободе совести...»), которая не обладает правами и обязанностями юридического лица.

Религиозные организации действуют на основании своих внутренних уставов, не противоречащих закону. В уставе могут содержаться условия деятельности священнослужителей, а также требования к ним (ч. 5 статьи 24 Закона «О свободе совести...»). С начисляемых священнослужителю в качестве зарплаты или денежного содержания сумм организация уплачивает подоходный налог, а также страховые пенсионные и социальные взносы (статья 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в РФ», п. 5 статья 2 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»), взносы на медицинское страхование, которые в отношении работающих в религиозных организациях, проживающих на территории культовых зданий, а также священнослужителей должны осуществляться наравне с другими гражданами (Письмо ФФОМС от 30 августа 2000 года N 4081/30-3/и).

В сумме тариф страховых взносов, выплачиваемых религиозной организацией, составляет 30% от зарплатного фонда священнослужителей. Пенсионный фонд письмом от 18.04.2005 г. «Об оценке пенсионных прав граждан — из числа священнослужителей» разъяснил своим территориальным отделениям, что они вправе подтвердить стаж лиц, участвующих в религиозных обрядах, обратившись в Епархиальные управления (см. также Соглашение о сотрудничестве между Пенсионным фондом РФ и Московской Патриархией РПЦ от 2 февраля 2004 г.).

Форма отчётности, предусмотренная для религиозных объединений, упрощена и предусматривает отчётность только по четырём статьям (см. Приказ Минюста РФ от 29 марта 2010 г. N 72):

- основные виды деятельности в соответствии с уставом;
- источники формирования имущества;

- сведения о расходовании денежных средств;
- сведения об использовании иного имущества.

Налоговое законодательство предусматривает ряд льгот для религиозных организаций, а именно, освобождает их от уплаты следующих налогов:

- на земельные участки, на которых находятся зданиями религиозного и благотворительного назначения (п. 4 статьи 395 НК РФ);
- на имущество, используемое для религиозной деятельности (п. 2 статьи 381 НК РФ);
- на прибыль с доходов от совершения религиозных обрядов и церемоний и от реализации религиозной литературы и предметов религиозного назначения (пп. 27 п. 1 статьи 251 РФ) (за 2014 год по данным ФНС РФ такие доходы РПЦ составили 5,6 млрд рублей).

При определении предмета налогообложения могут возникать споры относительно того, является ли деятельность, для которой используется имущество, религиозной. Например, известны споры религиозных организаций с налоговыми органами о том, может ли автомобиль, принадлежащий такой организации, облагаться налогом на имущество, если используется священнослужителем для поездок с целью совершения религиозных обрядов в домах верующих. Также и жилые помещения, используемые для проживания священнослужителей, могут освобождаться от налога, если в них также совершаются религиозные обряды и церемонии. Так, Арбитражный суд Свердловской области в решении от 28.05.2007 по делу №А60-5394/2007-С8 указал, что п. 2 статьи 17 допускает использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности, и не принял доводы налогового органа, что от налога на имущество освобождаются только объекты, специально предназначенные для совершения и обеспечения богослужений и пр.

Так же существует значительная проблема отграничения религиозной организации от коммерческой, а также общественного объединения.

Во-первых, понятия «организация» и «объединение» определяются как формулировка статьи 117 ГК РФ (далее – ГК). Эти категории носят общенаучный характер, и нет однозначного мнения о соотношении упомянутых понятий. Иногда в ходе таких дискуссий даже сама сущность этих понятий пересматривается, в том числе и в организации. Однако, учитывая особенности организации и объединения, применяемые к прецедентному праву, необходимо сделать вывод, что эти понятия, по крайней мере, идентичны. Считается, что общественные организации

являются одной из правовых форм общественных объединений и что религиозные организации являются формой религиозных объединений.

Этот вывод основан на нормах специального законодательства (в случае с религиозными организациями - федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях»). Хотя уже в статье 117 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно найти основание для разграничения между организацией и объединением: во втором абзаце пункта 1 настоящей статьи знаки «общественный» и «религиозный» рассматриваются только для организации (а также в пунктах 2 и 3). Кроме того, мы не должны забывать, что в пункте 2 статьи 6 Федерального закона «О свободе совести и вероисповедания» религиозная организация определяется как поджанр религиозного объединения. Наконец, статья 117 находится в разделе 5 Гражданского кодекса Российской Федерации, называется некоммерческими организациями.

Это организации, а не объединения. Такая формулировка может частично устранить противоречие в Гражданском кодексе (отдавая приоритет понятию «организациям»), но усугубляет противоречие между Гражданским кодексом и специальными законами, в которых объединение является общим понятием по отношению к организации. Таким образом, идентификация организации и объединения нарушает общие научные теоретические принципы и прикладную теорию права (в форме классификации, приведенной в специальных законах), и различие между этими понятиями в форме введения их в родственные отношения будет противоречить либо Гражданский кодекс или специальные законы.

Выход из этой ситуации возможен путем изменения редакции Гражданского кодекса Российской Федерации. Если желательны только минимальные и «косметические» изменения, это можно сделать как исключение из концепции «союза» статьи 117, так как невозможно ввести общую классификацию для общественных и религиозных организаций. Если изменения носят более радикальный характер, рекомендуется разделить общественные и религиозные объединения (изменив формулировку параграфа на «Некоммерческие объединения») и сделать их классификацию определяемой соответствующими законами. Этот сценарий будет более соответствовать Конституции Российской Федерации, в которой говорится о религиозных объединениях, а не организациях.

Во-вторых, выявление общественных организаций (объединений) и религиозных. На это указывает определение, данное в пункте 1 статьи 117 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Общественные и

религиозные организации (объединения) признаются добровольными объединениями граждан, которые объединены в порядке, установленном законом на основе их общих интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей». Основанием для такого вывода является место этих понятий в структуре предложения в сочетании с использованием творческого союза «и», а также отсутствие указания на специфику обоих типов организаций (объединений).

В-третьих, выявление общественных и религиозных организаций и объединений (в статье 117 Гражданского кодекса Российской Федерации) как некоммерческой организации. Такое использование отношений сразу ставит под сомнение саму суть общественных и религиозных организаций, поскольку обсуждаются критерии разделения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, а также необходимость совершенствования законодательства. И пока эта проблема не будет решена, включение общественных и религиозных организаций в список некоммерческих организаций будет оставаться спорным.

Что касается теоретико-правовой базы, то и здесь есть ряд проблем, которые невозможно не упомянуть. Во-первых, обширность нормативно-правовой базы, что представляет значительную трудность для изучения. На данный момент правила, так или иначе касающиеся религиозных организаций, содержатся в:

- Конституции РФ;
- ГК РФ, Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 26), Трудовом кодексе РФ (гл. 54), Налоговом кодексе РФ (ст. 149; ст. 217; ст. 219; ст. 251; ст. 270; ст. 333.35; ст. 381; ст. 395), Земельном кодексе РФ (ст. 1; ст. 30; ст. 31; ст. 36; ст. 78; ст. 82), Лесном кодексе РФ (ст. 47), Кодексе РФ об административных правонарушениях (ст. 5.26, 20.28), Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 14; ст. 118; ст. 158);
- Федеральном конституционном законе «О военном положении» (ст. 7; ст. 11; ст. 14);
- ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», Законе «Об образовании» (ст. 1; ст. 11; ст. 12; ст. 33), Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 7, 9, 10, 15, 17), ФЗ «О некоммерческих организациях» (ст. 6), ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» (ст. 8; ст. 47; ст. 50; ст. 56), ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» (ст. 17; ст. 18; ст. 20), ФЗ «Об основах муниципальной службы в РФ» (ст. 11), ФЗ «О собраниях, митингах,

демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (ст. 5), ФЗ «О прокуратуре РФ» (ст. 25.1), ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ст. 19), ФЗ «О внешней разведке» (ст.ст. 18, 19), ФЗ «О центральном банке РФ (банке России)» (ст. 19), ФЗ «О выборах Президента РФ» (ст. 49), ФЗ «О выборах депутатов Федерального Собрания РФ» (ст. 55; ст. 64);

- Указе Президента РФ от 28.10.1998 г. № 1497, а также указах о предоставлении священнослужителям отсрочки от призыва на военную службу;

- Постановлениях Правительства РФ от 2.02.1998 г. № 130, от 3.06.1998 г. № 565, от 15.07.2006 г. № 438;

- Приказах Министерства юстиции РФ от 30.03.1998 г. № 32, от 8.10.1998 г. № 140, от 22.02.2007 г. № 39; Приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.11.2004 г. № 280, Приказе Министерства образования РФ от 1.07.2003 г. № 2833.

Во-вторых, расхождения между действиями и в них. Например, в федеральном законе «О некоммерческих организациях» в статье 1 часть 4 гласит, что действия ст. 13-19 не распространяется на религиозные объединения, но в статье 15 ч. 1.2 п. 3 речь идет об участии религиозной организации. Если никто не позаботился о соблюдении элементарного логического принципа в документе, нет необходимости говорить о соответствии различных действий.

Однако другой очень распространенный вопрос заключается в том, соответствует ли преамбула Федерального закона «О свободе совести» и «Религиозном союзе» Конституции Российской Федерации.

Представляется более уместным интерпретировать, что все религиозные организации имеют право признать особую роль, но не все организации сыграли такую роль. Определение преамбулы «уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, которые являются неотъемлемой частью исторического наследия народов России», в этом отношении противоречит Конституции Российской Федерации.

Заключение. В современный исторический период можно сказать, что в России созданы необходимые правовые рамки для реализации конституционных прав человека и гражданина на свободу совести и религии. За последнее десятилетие было принято большое количество документов о свободе совести: законы, постановления Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации и другие нормативные правовые акты.

Последние годы убедительно подтвердили, что российское общество приняло ценности подлинного конституционализма, в том числе свободы слова и совести.

В условиях модернизации государственно-правовых отношений действующая Конституция Российской Федерации обеспечивает необходимый порядок происходящих процессов и стабильность основных конституционно-правовых ценностей.

Состояние религиозной ситуации в современной России и произошедшие за 15-18 лет изменения свидетельствуют о демократическом характере религиозной политики. Западная модель государственно-конфессиональных отношений стала основой российского законодательства о свободе совести, предоставлении широких прав религиозным гражданам и бесплатной регистрации религиозных объединений. В последнее время число верующих в России значительно увеличилось. Все предпосылки созданы для бесплатного посещения вашего дома поклонения, для открытия религиозных учебных заведений, для участия религиозных объединений в издательской деятельности.

Таким образом, нынешняя ситуация с религиозными свободами приближается к своей стабилизации. Однако возникают новые противоречия и тенденции. В настоящее время совершенствуется российское законодательство о свободе совести и религиозных объединениях.

В сочетании с конструктивным применением закона о свободе совести с учетом метода проб и ошибок, теперь стало возможным четко выражать неточности и пробелы в существующей системе государственно-конфессиональных отношений. Хорошо известно, что многие инновации были приняты без серьезного теоретического обоснования или по конкретным политическим и прагматическим причинам.

Даже в тех сферах взаимодействия государства и церкви, где нормы предусмотрены конституционными нормами (например, признак секуляризма российского государства), на практике отношения не соответствуют принципам конституции. В данном случае мы имеем в виду влияние государственных органов на церковные дела и, наоборот, влияние церковной элиты на систематическое вхождение православных традиций в государственные учреждения.

Однако религиозная чувствительность необходима в любом случае. В этой тонкой сфере затрагиваются глубины души, поэтому явное предпочтение одной религии может отрицательно повлиять на многие группы населения, поскольку в Российской Федерации одновременно существует много

конфессий. Необходимо, чтобы власти регулировали только общие вопросы деятельности религиозных объединений и не вмешивались в духовные дела церквей.

Однако демократичность современного религиозного законодательства заслуживает внимания по сравнению с предыдущими правилами (особенно в советский период), а именно:

- его социальная и человеческая направленность;
- ссылка на аналогичные нормы международного права;
- распространенность в содержании разрешений и позитивных нормативных актов, расширяющих права верующих и их организаций;
- усиление регулирующих свойств путем формирования основы этого законодательства нормативными актами большей юридической силы.

Идеальная религиозная ситуация в стране, где российское общество должно стремиться к своему развитию, определяется единством трех элементов: светского государства (гарантирующего свободу совести гражданам), религиозного плюрализма и двух гражданских религий (православия и ислама), ориентированных на позитивное, заинтересованное и активное творчество. подход к социальной реальности. Эти три условия станут ключом к религиозной терпимости среди людей, помогут устранить разделение общества на религиозные убеждения и его внутреннюю сплоченность, сосредоточив внимание на демократических, гуманистических и патриотических приоритетах.

Отношения демократического государства, основанные на верховенстве закона, направленные на построение открытого гражданского общества, должны строиться с религиозными объединениями на правовых основах, общих для других общественных некоммерческих объединений.

Провозглашая право человека на свободу совести и религии, государство обязуется создать условия для реализации этого права.

Наиболее актуальными проблемами в области свободы совести и религии являются: возвращение и строительство религиозных сооружений; проверка соответствия законодательных актов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству о свободе совести и деятельности религиозных объединений; проблемные вопросы в образовательном процессе светских школ; проблема замены государственной службы; проблемы экстремистских группировок под эгидой религиозных организаций и др.

Основная проблема в этой области - отсутствие диалога между различными конфессиями и государством.

С одной стороны, православие, ислам, буддизм и иудаизм традиционно связаны с определенной национально-культурной средой, и все те, кто укоренен в ней, рассматриваются как его настоящие или потенциальные последователи. С другой стороны, протестантизм, новые религиозные движения и новые культы обычно не ограничиваются определенной культурной и национальной средой, и миссионерская деятельность их приверженцев преследует общие цели. Именно эти фундаментальные типологические различия между религиями, которые существуют сегодня в России, во многом определяют характер их отношений.

В нынешней ситуации только 62% наших граждан считают, что в России действительно существует свобода вероисповедания. Эта цифра заставляет нас много думать.

Религиозное преследование продолжает оставаться серьезной проблемой в современном мире, несмотря на значительные юридические шаги, предпринимаемые международным сообществом. Проблемы широко распространенной религиозной нетерпимости, унаследованные от прошлого, не будут решены в одиночку. Если люди научатся извлекать уроки из прошлого, задача защиты права на свободу религии не будет казаться такой безнадежной и невозможной, как мы иногда думаем. Западный ученый Д. Дэвис считает, что «мы должны действовать».

Чтобы свобода вероисповедания стала реальностью во всем мире, необходимо действовать в следующих областях: выполнение договоров, законодательство, образование, отделение церкви от государства.

Поскольку Русская Православная Церковь является самой популярной и имеет своих последователей практически во всех регионах страны, основные векторы религиозных и религиозных отношений находятся между ней и всеми другими религиозными объединениями. Именно эта церковь определяет характер, степень и интенсивность этих отношений.

В то же время различные государственные льготы распространяются главным образом на православных, в определенной степени это может повлиять на последователей иных традиционных религий, но законодательство, которое содержит неверные и неспецифические формулировки в отношении блокирования законов о свободе совести в отношении определения религии, религии религиозная принадлежность лишает большинство последователей нетрадиционных конфессий элементарного уважения их права на свободу совести.

Верховенство права как принцип общественной жизни и как его

режим не приходит само по себе. Реализация этого принципа зависит от скорости преодоления правового нигилизма и правосознания элиты, профессиональных сообществ и общества в целом. Без этого невозможно установить конституционную законность, воплотить принципы права.

Необходимо создать четкую концепцию взаимоотношений между государством и религиозными организациями, придать ей юридическую форму и, главное, постоянно стремиться к ее реализации; достижение единства законодательной базы в сфере взаимоотношений государства и религиозных организаций.

В области свободы вероисповедания необходимы дальнейшее теоретическое развитие различных аспектов правовой политики в религиозной сфере и проблемы ее реализации. Нынешние процессы политизации религии, необдуманные шаги в государственно-конфессиональных отношениях и недостатки законодательства в некоторой степени усугубляют и без того сложную социально-политическую ситуацию в стране.

Заключение

Монография «Научные основы концепции социально-экономической стратегии Российской Федерации» разработана на основе результатов научных исследований авторов.

Результаты выполненных исследований показали актуальность и своевременность для российской экономики рассматриваемых вопросов.

В целом, работа отражает научные взгляды на современное состояние и развитие финансовой системы. Она представляет интерес как для специалистов в области проведения научных исследований, так и специалистов практиков.

Библиографический список

1. Абдулхаирова Э.М. Последствия цифровизации экономики для занятости населения // Наука Красноярья. 2020. – Т.9, №4, – С.7-30.
2. Аналитическая записка «О состоянии и направлениях развития рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктуру в России» https://cbr.ru/Content/Document/File/44084/analytic_note_16042018.pdf
3. Астахова Л.С., Токранов А.В. Деструктивность в религиозном поведении: к вопросу о методологии изучения новых религиозных движений // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – № 5. – С. 23-32.
4. Атеистам предстоит сосуществовать с мусульманами. Редакционный материал [Электронный ресурс] // «Независимая газета»: Официальный сайт издания. https://www.ng.ru/editorial/2021-03-22/2_8108_editorial.html (дата обращения: 25.08.2021).
5. Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации //Безопасность бизнеса. – 2019. – №. 1. – С. 27-32.
6. Белявский Д.С. Оптимизация международно-правового сотрудничества по обеспечению социальной исполнимости права на свободу совести / В сб. Право и закон в гражданском обществе и государстве: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Россия, Москва, 19 мая 2006 г. – М.: Изд-во Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, 2006.
7. Благинин, В. А. Ретроспективный анализ научных взглядов на понятие «транспортная инфраструктура региона» / В. А . Благинин / / Фундамент. исслед. — 2016. — № 11-5. — С. 979-984.
8. Введенский В.Г., Горохов А.Ю. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта: Монография. – М.: Серебряные нити, 2002. — 128 с.
9. Волков Н.И., Романюк Э.И. Развитие цифровой среды российских регионов // Проблемы развития территории. 2019. №5(103). – С.38-52.
10. Грядунова А.В. Инновационные специальности как приоритеты молодежи и способ расширения профессиональных границ // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. №4. - С.414-418.
11. Давыдова А.А. Направления совершенствования взаимоотношений государства и религиозных организаций / В сб. Модернизационные процессы в современной России: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский дом знаний, 2020. – С. 143-144.
12. Дегтярев Г. Как цифровая трансформация и современные технологии влияют на рынок труда и подготовку кадров [Электронный ресурс]

// Электронное издание «Вестник МГУУ». Опубликовано 21.01.2021 г. – Режим доступа: <https://mguu.ru/kak-tsifrovaya-transformatsiya-i-sovremennye-tehnologii-vliyayut-na-rynok-truda-i-podgotovku-kadrov-v-state-gennadiya-dyogteva/> (дата обращения: 11.09.2021).

13. Демченко О.Н., Демченко И.В. Основы религиозной политики государства в современной России // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – №2. – С. 155-156.

14. Землин А. И., Холиков И. В., Мельникова А. А. Актуальные проблемы правового обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры. – 2019.

15. Зинина Л. И. Управление ИТ-инфраструктурой бизнес-формирований //Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. – 2021. – С. 97-101.

16. Иванов Д.В. Административные риски при реализации конституционной свободы вероисповедания. Рецензия на монографию Андреева К.М. «Право верить в современной России (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания)» // Юридический мир. – 2021. – № 8. – С. 62.

17. Индикаторы цифровой экономики, 2019: стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг [и др.]. - М.: НИУ ВШЭ, 2019. - 248 с.

18. Исаков В.Б., Сарьян В.К., Фокина А.А. Правовые аспекты внедрения интернета [Электронный ресурс] // Открытый сайт портала Группы ИТ-Стандарт. – Режим доступа: http://www.itstandard.ru/soderganie_gurnala (дата обращения: 11.09.2021).

19. Каврига Д.Н. Концепция «Ecclesia Sui Iuris» в документах II Ватиканского собора // Труды Минской духовной академии. – 2020. – №17. – С. 192.

20. Капелюшников Р.И. Технологический прогресс - пожиратель рабочих мест? Препринт WP3/2017/03 [Электронный ресурс] / Р.И. Капелюшников. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - Электрон. текст. дан. (1 Мб). - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. - (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). - 39 с.

21. Капустина Н. В. и др. Классификация факторов риска инвестиционных проектов развития транспортной инфраструктуры //Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – №. 1.

22. Кашепов А.В., Афонина К.В., Головачева Н.В. Рынок труда РФ 2020-2021 гг.: безработица и структурные изменения // Социально-трудовые исследования. 2021. №43(2). – С. 33-44.

23. Кириллова А. Н. Проектное управление устойчивым развитием жилищно-коммунальной инфраструктуры крупного города //Недвижимость: экономика, управление. – 2020. – №. 1. – С. 42-48.

24. Комарова О.М. Перспективы и риски стратегического управления инновациями в условиях цифровизации экономики. Монография. Научное издание. - Орехово-Зуево: ГГТУ, 2018.

25. Костина Н.Б. Религиозная общность: проблемы социологического исследования. – Екатеринбург: издательство УрГППУ, 2016. – С. 124.

26. Крячкова Л. И., Крутиков А. К., Мохова О. И. Оценка развития инфраструктуры Курской области //Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – №. 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-razvitiya-infrastruktury-kurskoj-oblasti/viewer>

27. Кузьмина А. О. Формирование экономико-математической модели и механизма оценки и выбора вариантов развития производственно-транспортной инфраструктуры экспортно-ориентированных угольных компаний //Инновации и инвестиции. – 2020. – №. 10.

28. Мартояс В. В. Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры как необходимое условие развития местных сообществ краснодарского края //Актуальные проблемы стратегического управления территориальным развитием. – 2020. – С. 172-179.

29. Медведева О. С., Левкина В. Н. Государственно-частное партнерство как инструмент развития инфраструктуры в России //Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – №. 8-2. – С. 270-276.

30. Минченко Т.П. Европейская концепция религиозной свободы и свободы совести: идеологические источники и законодательное закрепление // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №333. – С. 37.

31. Муру Р. Правовое определение понятия «секта» // Власть. - 2009. - № 5. - С. 85–88.

32. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / авт. колл.: М. О. Шахов [и др.]; под общ. ред. Р. В. Маранова. - М.: Славянский правовой центр, 2011.

33. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (последняя ред.) : [принят Государственной Думой 1 июля 2015 г. : одобрен Советом Федерации 8 июля 2015 г.] // КонсультантПлюс : офиц. сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 14.07.2021).

34. О концессионных соглашениях : Федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (последняя ред.) : [принят Государственной Думой 6 июля 2005 г. : одобрен Советом Федерации 13 июля 2005 г.] // КонсультантПлюс : офиц. сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 14.07.2021).

35. Образование в цифрах: 2021 г.: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 134 с.
36. Официальный сайт РОСИНФРА. <https://rosinfra.ru/>
37. Подобед, Н. А. Генезис категории «инфраструктура»: сущность, подходы и этапы развития / Н. А. Подобед // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 13 / [редкол.: В.Ю. Шутилин (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. - Минск : БГЭУ, 2020. - С. 408-416..
38. Политковская И. В., Разумный А. С. Оценка и анализ затрат на развитие инфраструктуры регионов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №. 4-2. – С. 78-82.
39. Попович А. А. Особенности управления социальной инфраструктурой // StudNet. – 2020. – Т. 3. – №. 9. – С. 957-962.
40. Проваленова Н. В. Роль и место жилищно-коммунальной сферы в социальной инфраструктуре сельских территорий // Наука и бизнес: пути развития. – 2020. – №. 1. – С. 128-130.
41. Радченко Д. М., Пономарев Ю. Ю. О способах измерения степени развития транспортной инфраструктуры // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. – №. 2.
42. Рыжов Л.Г. Военно-религиозные службы за рубежом // В кн. Мировой опыт государственно-церковных отношений. – М., 1998. – С. 283–301.
43. Рябцев Н.И. Государственно-конфессиональные отношения как предмет административно-правовых отношений: проблемы и пути решения / В сб. Проблемы совершенствования российского законодательства. сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. – С. 162-163.
44. Сазонов, В. Е. Государственно-частное партнерство. Гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты / В. Е. Сазонов. – М. : РУДН ; Буки-Веди, 2012. – 792 с.
45. Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. – Т.25, №1. – С.48-71.
46. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Электронный журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология». - 2017 - Т.10, Вып. 4. - С.376-380. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-i-zanyatost-v-tsifrovoy-ekonomike-problemy-rossiyskogo-rynka-truda/viewer> (дата обращения: 12.08.2021).
47. Солодовник С. Россия: официальная церковь выбирает власть // Pro et Contra. – 2013. – №3-4 (59). – С.11.

48. Степанова Е. О. Кластерный подход к развитию ИТ-инфраструктуры региона (на примере Ярославской области) // Теоретическая экономика. – 2019. – №. 2 (50).
49. Сушко В.В. Новые религиозные движения на постсоветском пространстве: особенности распространения и влияния на государственно-религиозные взаимоотношения / В сб. Конфессиональная политика в России в Новое и Новейшее время. материалы международной научной заочной конференции. – Москва: МПГУ, 2021. – С. 249.
50. Тагаров Б.Ж. Информационные причины дискриминации на рынке труда // Экономика труда. 2019. – Т. 6, № 1. – С. 145-156.
51. Троицкий В.С. О некоторых вопросах эволюции становления религиозной свободы в христианской культуре Западной Европы // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – №3. – С. 31.
52. Управление инфраструктурными проектами: учебное пособие для высшего профессионального образования / С.А. Измалкова, Т.А. Головина, И.Л. Фаустова, И.А. Тронина, С.С. Елецкая. – Орел: ФГБОУ ВПО «Государственный УНПК», 2012. - 171 с.
53. Хадиков А.К., Гавриков Е.В. Современное конституционно-правовое оформление государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 175-176.
54. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозные основания национальной безопасности России. – М.: Академия управления МВД РФ, 2012.
55. Цацулин А.Н. Цифровизация населения как детерминант виртуального и реального рынка труда в условиях пандемии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политического университета. Экономические науки. 2020. – Т.13, №4. – С. 19-35.
56. Цхададзе Н.В. Рынок труда в условиях цифровой экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №3. – С. 323-327.
57. Шаш Н. Н., Алкадер Н. М. А. Роль государственно-частного партнерства в инфраструктурных проектах // Вестник Академии знаний. – 2021. – №. 2 (43). – С. 280-284.
58. Шерстобитов Сергей, генеральный директор ГК Angara. «Для роста цифровой экономики необходимо развивать национальный ИТ-сектор, стимулировать создание инновационных технологий» [Электронный ресурс] // Корпоративный блог компании Angara Technologies Group. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/blog/company/AngaraTech/341654.php> (дата обращения: 20.07.2021).
59. Шиманская О.К. Свобода религии или убеждений и безопасность: новые вызовы и рекомендации ОБСЕ / В сб. Религиозная ситуация в российских регионах: Тезисы докладов и сообщений Седьмой всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Омская академия МВД РК, 2020.

60. Юрьева Т. В. Инфраструктурные проекты государственно-частного партнерства и цели устойчивого развития // Вопросы развития современной науки и техники. – 2021. – №. 5. – С. 246-251.

61. Davos 2020: Here’s what you need to know about the future of work [Электронный ресурс] // World Economic Forum. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2020/01/davos-2020-future-work-jobs-skills-what-to-know/> (дата обращения: 21.09.2021).

62. Komarova O. Social issues of the Transition to a Digital Economy [Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 - Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth]. IBIMA 2018, Seville, Spain. 15-16 November, pp.7024-7033.

63. WEF – 5 things to know about the future of jobs [Электронный ресурс] // eTrade for all. – Режим доступа: <https://etradeforall.org/wef-5-things-to-know-about-thefuture-of-jobs/> (дата обращения: 21.09.2021).

64. WEF-2017. 14 Information Technology and the U.S. Workforce. Where Are We and Where Do We Go from Here?” A Report of The National Academy of Sciences (USA), The National Academies Press, 2017. 18. – Режим доступа: <https://www.infineon.com/cms/en/about-infineon/part-of-your-life-part-of-tomorrow/Creating-sustainable-IoTsuccess/?redirId=38054&intc=002011013> (дата обращения: 21.09.2021).

Сведения об авторах

Комарова Оксана Михайловна

к.э.н., доцент, доцент кафедры математики и экономики.
Государственный гуманитарно-технологический университет

Плохих Юлия Вячеславовна

старший преподаватель ФГБОУ ВО "Омский государственный технический университет"

Соколовский Константин Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Гуманитарно-технической академии (г.Кокшетау, Казахстан)

Электронное научное издание
сетевого распространения

**Научные основы концепции социально-
экономической стратегии Российской
Федерации**

монография

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-1-7948-2923-7

9 781794 829237

Усл. печ. л. 4,5.

Объем 1,9 МВ

Оформление электронного издания: НОО

Профессиональная наука, mail@scipro.ru

Дата размещения: 10.11.2021г.

URL: http://scipro.ru/conf/monographecon2_10112021.pdf.